

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 81

TRIMESTRIEL

III - 1966

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, В. А. Водов, проф. прот. Алексей Князев,
И. В. Морозов, свящ. Петр Струве, Н. А. Струве.Америка: Архиеп. Сильвестр Монреальский и всея Канады, проф. прот.
Александр Шмеман, проф. прот. Иоанн Мейендорф, М. Гизетти, О. Раевская
Секретарь Редакционной коллегии: И. В. Морозов.

91, rue Olivier de Serres, Paris 15°. Tél. : BLO. 53-66

СОДЕРЖАНИЕ

Историческое событие — Н. А. Струве	1
ГОЛОСА ИЗ РОССИИ	
Открытое письмо из России о. Владимиру, сотруднику Би-Би-Си	5
Памяти епископа Афанасия (Два стихотворения П. Востокова, посвященные еп. Афанасию)	18
Епископ Афанасий (Некролог)	19
Дело Епископа Ермогена (Годубева)	21
Неизданное произведение А. Солженицына — Молитва	22
Литургия верных — Стихи Д. Д.	23
ДВА СВИДЕТЕЛЬСТВА	
Юрий Казаков о Соловецких островах	29
Франсуа Мориак о России и Русской Церкви	31
Новое законодательство о религиозных объединениях и культах в СССР — А. Биль	34
Слово о чудесном насыщении народа — Архим. А. Семенов Тянь-Шанский	38
О церковном положении нашей Архиепископии — Свящ. Г. Сериков	41
Очерк психологии советского атеизма — Прот. Д. Константинов	43
Творческая судьба двух нобелевских лауреатов (Шолохов—Пастернак) — М. Н. Энден	49
Протопресвитер Виктор Юрьев — Прот. И. Верник	60
Вышел сеятель сеять (Памяти о. Виктора Юрьева) — А. В. Морозов	64
«Тебе предлагаем жизнь нашу всю» (Памяти о. Виктора Юрьева) — Свящ. В. Дунаев	70
Памяти о. Виктора Юрьева — И. В. Морозов	71
О. Виктор и дети — Н. А. Терентьева	73
О. Виктор — педагог и руководитель юношества — К. Л. Костанди	76
О Марии Михайловне Кульман	78

БИБЛИОГРАФИЯ

«Православие». Прот. С. Булгаков — Свящ. Б. Бобринской	79
«Душа человека», «С нами Бог». С. Л. Франк — В. Н. Ильин	80
«Основы древне-церковной антропологии». А. Позов — Н. Зернов	82
«Книга свидетельств». Архиеп. Иоанн Шаховской — В. И.	83
«Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века». Антология. С. Л. Франк — В. Ильин	84

ХРОНИКА

Лагерь Дружины Р.С.Х.Д. 1966 года — Миша Соллогуб	85
---	----

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый счет РСХД:

C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°.

4 numéros par an. Abonnement annuel: 15 frs. Prix du numéro: 3 frs 75

Adresse de la Rédaction: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. France.

Никита СТРУВЕ

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Н. РАДИЩЕВСКАЯ, 2

915-10-73

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ

Письма двух московских священников облетели весь мир. Содержание их известно каждому, кому дороги судьбы Православной Церкви.

Можно с уверенностью сказать, что эти письма одно из самых крупных духовных событий последних лет, хотя они еще не возымели видимого действия и не отразились на историческом процессе.

Значение этих писем определяется двумя словами, сопряженными друг с другом: мужество и правда. Два священника имели мужество сказать всенародно правду о Церкви — как гражданским, так и церковным властям. Высказанную правду они немедленно закрепили принесенной жертвой, подчинившись наложенному на них несправедливому прещению. И все. Казалось бы, какая малость! А вместе с тем — в этом вся и суть. Вот уже около сорока лет, со времени Сергиевской декларации, Церковь в лице своих официальных представителей отказалась от правды и мужества. Этот отказ доходил до глубокого нравственного падения, в клевете на мучеников, в безграничном славословии Сталина.

Но многое в Сергиевской линии 30-х годов можно объяснить царившим тогда террором. К тому же митр. Сергей — когда увидел, что за легализацией Церкви последовала ее ликвидация, представил ЦК длинный жалобный список, во многом сходный с письмом двух священников Косыгину.

Теперь положение изменилось. За правду по головке еще не глядят, до этого далеко, но и голов не рубят. Ложь уже не вездесущая и не торжествующая, хотя подмешана ко всему. Появилась правдивая литература, с трудом пробивающая себе дорогу в официальные журналы или распространяющаяся в рукописях.

Из лагерей вернулась духовная элита, не сломленная годами заключения, и протянула руку молодежи, мечтающей об обновлении.

Суд над Синявским и Даниэлем обнаружил зародыши общественного мнения. В этом явном, но еще медленном процессе выздо-

БИБЛИОТЕКА-ФОНД

«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4001400

ровления, увы, официальная Церковь не заняла своего места. Правда, она попрежнему под ударом и подвергается жестоким, хотя и не кровавым гонениям. Но больше, чем когда-либо, она подчинилась государству, исполняет его волю не только за границей, но и во внутренней жизни, способствуя собственному разрушению и разложению. Лживые заявления и постыдное молчание по-прежнему ее главные орудия. И это как раз в то время, когда изголодавшиеся по Истине и Свободе русские люди ищут дорогу к Церкви, в надежде найти в ней искомое.

И вот, когда внутреннее разложение стало угрожать самому бытию Церкви или преграждать путь к ней, раздался мужественный и правдивый голос двух священников.

Разом изменилась мистически вся суть Церкви. Слова двух священников стали разделяющим мечом: отныне ложь уже не может рядиться в правду, малодушие в тонкий расчет. Начался духовный суд, и как бы яростно ни ополчались церковные власти на авторов письма, их действия уже осуждены*).

Разом, Церковь молчания стала Церковью исповедующей. Еще недавно, на страницах «Вестника», В. Вейдле писал: «Веры в России еще и сейчас больше, чем на Западе. Только слова у этой веры нет, имени она себе не знает». Теперь же вера обрела слово, она снова становится созидательницей культуры.

Разом, в мистической глубине преодолена иррациональная стихия страха, сковывающая Церковь — как сковывает она до некоторой степени и весь русский народ. Этим своим подвигом Церковь находит свое место в новом возрождении России, укрепляя и выявляя народное сознание.

До «письма» Церковь боролась только за существование, теперь она борется за свою целокупную сущность.

Письмами двух священников не только восстанавливается достоинство Церкви, ими продолжается старый процесс оздоровления церковного строя. С давних времен, с неудачной и ненужной попытки патриарха Никона подчинить себе гражданскую власть, Церковь поработилась государству, тем самым утратив и свою

*) Страшно читать послание, подписанное Патриархом, в котором он упрекает священников — бездоказательно — в том, что они наклеветали не только на церковные власти, но и на правительство — лже-свидетельство, которое может использовать гражданский суд, чтобы привлечь отцов Николая и Глеба к уголовной ответственности.

внутреннюю свободу. Подчинение государству ведет неминуемо к утрате соборного начала, замененного своего рода непогрешимым авторитетом одного лица или небольшой группы. Подчиняться государству Церковь может лишь в лице своего возглавителя или верхушки, но не как свободное целое. Не случайно в синодальный период не было соборов хотя фактически они были возможны. Конечно, нельзя провести знак полного равенства между подчинением Церкви правовому и номинально христианскому государству и порабощением Церкви государству активно безбожному. Во втором случае подчинение Церкви имеет кощунственный характер, хотя и находит себе ряд смягчающих обстоятельств.

Двухвековое синодальное пленение замутнило экклезиологическое сознание: некоторым, даже за рубежом, акция двух священников кажется непонятной и даже предосудительной, по той только причине, что истина выражена не церковной властью, а независимо от нее и даже против нее. И это вопреки истории, которая гордится мужественным стоянием за правду одиноких лиц, будь то епископов (Иоанн Златоуст, Марк Ефесский), монахов (Максим Исповедник) или мирян (литовские братья), вопреки догмату Церкви, утверждающему, что хранителем истины является весь народ Божий.

Письмо двух священников показывает, что заветы Всероссийского Собора 1917 года, смело вернувшегося к соборно-свободной экклезиологии, не забыты. В трудных условиях церковных гонений оно стремится их продолжать и воплощать. Как экклезиологическое свидетельство, письмо двух священников имеет значение не только для данной ситуации в России, оно имеет силу для всего православия — я сказал бы даже — для всего христианского мира.

ГОЛОСА ИЗ РОССИИ

Перед нами новое открытое письмо из России, третье по счету из все растущей литературы, вызванной письмами двух священников (1). Первые два принадлежали талантливому перу А. Краснова-Левитина (2), смело ставшего на защиту Церкви. Как и вторая статья Краснова, новый документ является откликом на радиопередачи прот. Владимира Родзянко, вернее опровержением некоторых его утверждений. У человека, незнакомого с этими передачами, может создаться неверное впечатление, что они направлены целиком против двух священников. На самом деле письмам двух священников прот. В. Родзянко посвятил четыре обстоятельные и высоко ценные радиопередачи. Желая сохранить нейтралитет, свойственный радиостанции, прот. В. Родзянко выставил несколько возражений, которые и вызвали в Сов. России бурные реакции. Сама попытка сотрудника Би-Би-Си быть нейтральным, своей неудачей показывает, насколько письма двух священников, всецело истинны и неязвимы.

Полемика часть письма необычайно выдержана и продумана, но она бледнеет перед потрясающим документом, которым оно заканчивается: сухой *curriculum vitae* более чем 30 лет страданий епископа Афанасия Сахарова останется как одно из самых ярких памятников церковной истории, наряду с мученическими актами первых христиан. И еще одно, из этого открытого письма мы узнаем крайне существенный исторический факт о воссоединении с Московской Патриархией в 1945 году основной части так называемой Тихоновской или катакомбной Церкви. Причем это воссоединение не было "правственным падением", ибо совершилось "свободно" из самих концентрационных лагерей. В виде дополнения к письму приводим ряд свидетельств, освещающих личность епископа Афанасия. Н. С.

1) Полный текст обоих писем двух священников издан стараниями архиеп. Иоанна Шаховского: 2040 Anza Street, San Francisco, Calif. 94118

2) Напечатаны — первое в "Русской Мысли" от 7.7.1966, № 2487, второе в "Посеве" от 23.9.1966 и 1.10.1966, а так же в "Русской Мысли" от 27.10.1966, № 2535 и след.

См. так же апологетические работы А. Краснова-Левитина, изданные под названием "Защита веры в СССР", 1966 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ИЗ РОССИИ О. ВЛАДИМИРУ, СОТРУДНИКУ БИ-БИ-СИ.

Ваше Преподобие!

Досточтимый о. Протоиерей!

Сейчас, когда мужественное выступление московских священников, подобно набату в ночи, пробуждает дремавшие силы Русской Православной Церкви и привлекает к Ее возвышенной и трагической судьбе пристальное внимание всего мирового христианства, на всякого, кто берет на себя смелость публично высказывать свое мнение о духовной борьбе, развернувшейся в недрах Русской Церкви, ложится бремя исключительной ответственности.

Мы, как и многие православные христиане, глубоко заинтересованные тем, что происходит сейчас в Русской Церкви, искренне благодарны радиовещательной компании Би-Би-Си и Вам лично за внимание, проявленное к нашим церковным делам, за ту обширную информацию о реакции мирового христианства на выступление московских священников, которую мы черпаем из ваших радиопередач и в особенности за ту существенную поддержку, которую вы оказываете правому делу, начатому московскими священниками.

Однако, многое в составе программ и лично в Ваших выступлениях вызывает в сердцах радиослушателей в России недоумение и протест, который в духе христианского диалога мы и хотим высказать вам на страницах этого письма.

1) С каким бы глубоким духовным интересом ни относились все мы, русские православные христиане, к тому, что говорят о положении, сложившемся в нашей Церкви, представители инославных исповеданий и в особенности члены возлюбленной Сестры нашей — Римско-Католической Церкви, конечно, более всего нас интересует голос родного Православия.

Его-то мы почти и не слышим в ваших радиопередачах.

Между тем, нам достоверно известно о решительных выступлениях в поддержку московских священников выдающихся православных деятелей за рубежом, таких как Архиепископ Иоанн Сан-Францисский, церковный писатель Никита Струве и многих других.

Возникает естественное недоумение, почему радиовещательная компания Би-Би-Си, известная своей осведомленностью и объ-

активностью в освещении событий, на сей раз лишает своих радиослушателей в России достаточно полной информации.

2) Отец Владимир!

На протяжении нескольких радиопередач Вы настойчиво утверждали, что в письмо московских священников Святейшему Патриарху Алексию «вкралась историческая ошибка».

Эту ошибку Вы пытаетесь усмотреть в том, что резко критикуемое московскими священниками решение Архиерейского Собора 1961 года о передаче административной власти в приходах в руки мирян имеет, по Вашему мнению, исторические прецеденты.

Прежде всего, необходимо указать на то, что в своем расуждении Вы допустили логическую ошибку.

В самом деле, если бы московские священники утверждали, что передача административной власти в приходах в руки мирян есть дело беспрецедентное, в истории Церкви небывалое, то в таком случае, найдя и указав соответствующие исторические прецеденты, Вы действительно имели бы право говорить, что в письмо московских священников вкралась историческая ошибка.

Но ведь в том-то и дело, что ничего подобного московские священники не утверждают!

Они утверждают только то, что рассматриваемое решение Архиерейского Собора противоречит Апостольскому Преданию и Церковным Канонам и не только утверждают, но и убедительно это доказывают.

При чем же здесь исторические прецеденты?

Если и в прошлом бывали случаи передачи административной власти в приходах в руки мирян, то из этого следует только то, что и в прошлом нарушались Церковные Каноны. В этом, конечно, никто не сомневается.

Далее, мы хотим обратить Ваше внимание на то, что в своей ссылке на исторические прецеденты Вы не делаете различия между церковной практикой и Церковным Правом.

Между тем, существует глубокое различие между практическим нарушением Канона и его отменой. До тех пор, пока Канон остается в действующем праве Церкви, всегда есть возможность отказаться от ложной практики и вернуться на путь исполнения Канона. Если же отменяется Канон, то происходит изменение в самом действующем праве.

При этом надо сказать, что Архиерейский Собор Поместной

Церкви не властен отменять Церковные Каноны, имеющие Апостольское происхождение и утвержденные Вселенскими Соборами.

Вы совершенно правы в своем утверждении, что в XVII веке в некоторых северных городах России, а также в Польской Украине административная власть в приходах принадлежала мирянам. Однако, в истории России не было случая, чтобы такая практика была закреплена решением Архиерейского Собора и введена как обязательная для всей Поместной Церкви.

Таким образом, хотя московские священники этого и не утверждали, решение Архиерейского Собора 1961 года действительно не имеет прецедента, по крайней мере, в истории Русской Церкви.

Что же касается других Поместных Церквей, кроме Великой Византийской Церкви, то мы не располагаем достаточными данными, чтобы решительно утверждать об отсутствии в их истории подобного прецедента.

Однако, мы имеем все основания утверждать, что не всякий прецедент достоин подражания!

Как известно из церковной истории, был Ефесский «разбойничий» Собор, и нечестивый «Собор под Дубом», осудивший Св. Иоанна Златоуста, и узурпаторы Церковной Власти, и Патриархи, вводившие пагубные ереси, и недостойные Епископы, помогавшие врагам Церкви, и «духовный регламент» Петра I, и многое другое.

3) Отец Владимир!

В одной из радиопередач Вами была высказана мысль о том, что отцы Архиерейского Собора 1961 года приняли решение о передаче административной власти в приходах в руки мирян «в доброй вере», что это приведет к лучшему.

Мы недоумеваем, на каком основании Вы, находясь в далеком Лондоне, можете дать столь ответственную оценку нравственным побуждениям, которыми руководствовались отцы Архиерейского Собора.

В отличие от большинства Ваших радиослушателей в России, которые до сих пор не имеют возможности достаточно хорошо ознакомиться с письмами московских священников, Вам должно быть известно из «Приложения» к этим письмам о той петиции, которую летом 1965 года подали Святейшему Патриарху Алексию восемь достойнейших Епископов Русской Церкви во главе с Архиепископом Ермогеном.

В своей петиции Епископы указывают на необычный для церковного сознания порядок созыва Собора и необычную поспешность в его проведении, в результате чего, как утверждают Епископы, большинство из присутствовавших на Соборе Архидиаконов подписали решение о разграничении прав и обязанностей членов клира и приходских советов, «не вдумавшись в то, что решение это в корне противоречит тому Апостольскому примеру в разделении этих обязанностей (Деян. 6, 3—6), на котором оно обосновывалось на Соборе».

Не кажется ли Вам, отец Владимир, что Владыка Ермоген и другие Епископы, подписавшие петицию, лучше Вас осведомлены о том, что происходило на Соборе?

В самом деле, могла ли «добрая вера» побудить Святейшего Патриарха Алексия к искажению смысла кристально ясного текста Священного Писания?

Могла ли «добрая вера» побудить митрополита Пимена при решении канонического вопроса ссылаться на принципы «широкой демократизации»?

Могла ли «добрая вера» побудить отцов Архиерейского Собора нарушить Священные Каноны?

Наконец, могла ли «добрая вера» побудить Архипастырей Русской Церкви принять решение, пагубность которого была совершенно очевидна?

Каждый, хоть сколько-нибудь осведомленный о положении дел в Русской Православной Церкви, хорошо знает, что совершенная Архиерейским Собором передача административной власти в приходах в руки исполнительных органов, есть великое бедствие для нашей Церкви, и поэтому те, кто чем бы то ни было пытаются оправдать деяния Архиерейского Собора 1961 года, вольно или невольно наносят Русской Церкви существенный вред.

4) В радиопередачи Би-Би-Си вкралась незначительная фактическая ошибка, о которой можно было бы и не говорить, если бы она не оказалась связанной с одной настойчиво проводимой, хотя и ложной идеей.

Эта идея заключается в том, что обличаемая в письме отцов Николая Эшлимана и Глеба Якунина тактика Московской Патриархии позволила возродить в России церковные школы и тем самым дала возможность авторам «Открытого письма» получить духовное образование и стать священниками, что якобы лишает

их морального права столь резко критиковать Московскую Патриархию.

В опровержение этого построения мы считаем необходимым прежде всего сказать, что, вопреки распространенному мнению, авторы «Открытого письма» не имеют никакого официального церковного образования.

Правда, Глеб Якунин, по окончании охотоведческого института в г. Иркутске, поступил в Московскую духовную семинарию, но усиленно насаждаемый там дух сервиллизма, при отсутствии настоящего религиозного воспитания, произвел на него столь тяжелое впечатление, что через год после поступления Глеб покинул семинарию. После этого он, на протяжении четырех лет, вплоть до посвящения во дьяконы, прислуживал в качестве пономаря в Московском храме Св. Трифона мученика.

Что же касается отца Николая, то он, насколько нам известно, вообще никогда не переступал порога ни одной церковной школы.

Таким образом, если авторы «Открытого письма» действительно имеют высокое духовное просвещение, то они обязаны этим не церковным школам Московской Патриархии, а Всещедрому Богу, Который каждому ищущему сердцу независтно дает от своей Премудрости.

Но если бы даже отцы Николай и Глеб окончили Московскую духовную академию и потому имели бы основания считать ее своей Alma Mater, то и тогда они были бы обязаны внять слову Христа Спасителя: «кто любит отца или мать более нежели Меня, недостойн Меня...» (Матф. 10, 37).

5) Отец Владимир!

Как явствует из Ваших радиопередач, весьма многие, в том числе и Вы, в целом одобряющие выступление московским священников, упрекают авторов «Открытого письма» в излишней горячности, якобы оскорбительной для Святейшего Патриарха Алексия, и даже предлагают отцам Николаю и Глебу в интересах начатого ими церковного дела, не отказываясь от основных положений своего письма, принести покаяние за допущенную резкость.

Мы считаем, что такая постановка вопроса лишена духовной принципиальности.

Если московские священники сказали неправду, если они дерзновенно оклеветали Высшее церковное управление и Епис-

копат Русской Православной Церкви, то они, несомненно, заслуживают самого строгого церковного наказания.

Если же они сказали правду — а мы в этом ни на минуту не сомневаемся — то эта правда сама по себе столь страшна, обличаемое беззаконие столь преступно, что было бы оскорбительным для христианской совести говорить об этом хладнокровно.

Не горячность удивляет в письме московских священников, а сдержанность!

При чтении «Открытого письма» все время чувствуется, что искреннее благоговение перед величием Архипастырского сана удерживало московских священников от проявления той меры духовного негодования, которая была бы вполне уместна при обличении столь тяжкого церковного беззакония.

Не то вызывает жалость к Святейшему Патриарху Алексию, что ему в его маститой старости приходится выслушивать столь резкие обличения, а то, что эти обличения справедливы.

Конечно, Святейший Патриарх очень стар, и теперь уже вряд ли что-нибудь может.

Но ведь когда он был молод и мог, он делал то же самое.

Разве в свое время митрополит Алексей вместе с митрополитом Сергием воскрылием своих риз не прикрывал тех, кто разрушал Церковь?

Разве Патриарх Алексей, в расцвете сил, не воскуривал фимиам Сталину, с искренним пафосом называя его «Великим и Богопоставленным Вождем»?

Да, жаль Святейшего Патриарха!

Но разве не жаль великого множества православных душ, на огромных просторах нашей Родины лишенных церковного окормления, разве не жаль наших престарелых матерей, которые не в силах добраться до ближайшего храма — так редки стали храмы на земле Русской, — разве не жаль всей многострадальной Российской Церкви, которую не хотят защищать те, кто на это поставлен!?

Жаль Святейшего Патриарха!

И особенно жаль его за то, что не он, а молодые московские священники, возвысив свой голос в защиту многострадальной Церкви, совершили дело, которое воистину должен был совершить Патриарх.

Много горьких слов можно сказать в адрес Святейшего Патриарха Алексея!

Но те, кто упрекают московских священников в оскорбительном для Патриарха обличительном тоне, странным образом не замечают, что сами московские священники не столько обвиняют Святейшего Патриарха, сколько жалуются ему на незаконные действия его ближайших помощников, прося его Патриаршей помощи и защиты.

Те, кто предлагают московским священникам принести Святейшему Патриарху церковное покаяние за якобы излишнюю резкость обвинений и горячность тона, и тем самым в интересах начатого дела явить свое смирение, не понимают, что московские священники не имеют нравственного права на такой поступок.

Не в недостатке смирения тут дело, а в верности Христовой правде.

Приняв на себя бремя великой ответственности, отцы Николай и Глеб обязаны донести это бремя до правильного Церковного Суда.

Недаром они скрепили свои обвинения готовностью присягнуть на Кресте и Евангелии.

б) Отец Владимир!

Странное впечатление произвело на нас Ваше последнее выступление (28.VIII.66).

Некоторые из Ваших утверждений, как будто бы вполне бесспорных, вызывают чувство духовной неясности и невольно заставляют насторожиться.

Вы говорите: слава Богу за все — и за гонения на Церковь, и за воинствующий атеизм, и за то, что закрываются храмы..., ибо страдания очищают.

Отец Владимир!

Вспомните, что ропот многострадального Иова был более угоден в очах Божиих, чем слишком благочестивые речи его утешителей.

Воистину слава Богу за все!

Но скажите, отец Владимир, могли бы Вы, по совести, отслужить благодарственный молебен по поводу закрытия храма?

Всегда прославляя Бога за все, в тяжкие минуты скорбей и бедствий, мы прежде всего обращаемся к нему с молитвой о помощи:

Господи, не оставь наследия Своего, которое стяжал Ты Честною Своею Кровию. Избавь, Господи, Церковь

Свою от тяжких обстоятельств и просвети сердца отпавших от Тебя, Господи, Светом Евангелия Твоего, сохрани храмы Твои и обители Твои во славу Твою. Восстани, Господи, защити наследие Твое, прииди и не замедли.

7) В последнее время с разных сторон приходится слышать о том, что Московская Патриархия якобы вынесла на своих плечах Русскую Церковь в самые тяжкие годы скорбей и бедствий.

Нет ничего более ложного, чем это утверждение!

Не дипломатическими ухищрениями Московской Патриархии, а священной кровью Христовых мучеников жива Русская Церковь.

Не Московская Патриархия сберегла лучшие церковные силы в страшные тридцатые годы, а христианские катакомбы.

Не девятнадцать сергианских Епископов, сохранивших себя на развалинах Русской Церкви, вдохнули в Нее новую жизнь, а могучий религиозный подъем русского народа, вызванный Великой Войной.

Не Патриарх Алексей, а гонимый Московской Патриархией Архиепископ Ермоген и мужественные московские священники отцы Николай и Глеб выступили в защиту церковной правды.

Отец Владимир!

Для того, чтобы Вы могли более осязательно представить себе духовный облик тех Архипастырей, которые вместе с церковным народом действительно вынесли на себе великие скорби и донесли до нас непомянутый образ Христовой правды, мы хотим познакомить Вас с одним небольшим, но весьма значительным документом.

Несколько лет назад в г. Петушки Владимирской области почил в Боге проживавший там на покое Архиепископ Афанасий, один из последних руководителей той части Русской Православной Церкви, которая, сохраняя каноническую верность Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру, отделилась от митрополита Сергия и ушла в катакомбы.

После Всероссийского Церковно-Поместного Собора 1945 года Архиепископ Афанасий Сахаров, находившийся тогда в заключении, вместе со своими единомышленниками признал Святейшего Патриарха Алексея и вошел с ним в каноническое общение.

После смерти Владыки Афанасия, в его бумагах была обнаружена нижеследующая записка, которую мы приводим без всяких изменений:

ДАТЫ И ЭТАПЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Родился 2 июля 1887 г.

Шуйское духовное училище 1896—1902 гг.

Во 2-м классе переэкзаменовка.

В 3-м классе сидел 2 года.

Начал прислуживать в Алтаре, вероятно, со всенощной в субботу 21 августа 1899 г.

Владимирская духовная семинария 1902—1908 гг.

Посвящен в 1 степень клира — в чтеца 6 мая 1907 г.

В каникулярное время прислуживал при архиерейском богослужении.

Рипидоносцем и иподиаконом 1903—1906 г. непрерывно во все время.

Тоже август 1906—сентябрь 1908 г.

Московская духовная академия 1908—1912 г.

ПОСТРИЖЕН В МОНАШЕСТВО 12 октября 1912 г.

Посвящен в иеродиакона 14 октября 1912 г.

Посвящен в иеромонаха 17 октября 1912 г.

Иреподаватель Полтавской духовной семинарии октябрь 1912 г.—сентябрь 1913 г.

Преподаватель Владимирской духовной семинарии 1913 г.—1918 г.

Член Поместного Всероссийского Собора по избранию от монашествующих — помощник заместителя — январь—сентябрь 1918 г.

Член Владимирского Епархиального совета от монашествующих 1918—1920 гг.

Наместник Владимирского Рождественского монастыря 1920—1921 гг.

Возведен в сан архимандрита 20 января 1920 г.

Настоятель Боголюбовского монастыря 18 июня 1921 г.

ХИРОТОНИСАН ВО ЕПИСКОПА КОВРОВСКОГО 27 июня 1921 г.

Арестован и препровожден в рев. трибунал 17 марта 1922 г.

Освобожден 18 марта 1922 г.

Арестован в Великую среду 30 марта 1922 г. (Митрополит СЕРГИЙ, архиепископ ПАВЕЛ, епископ ВАСИЛИЙ).

Показательный суд по обвинению в связи с изъятием церковных ценностей 27 мая 1922 г.

Приговорен к одному году, по амнистии освобожден 28 мая 1922 г.

Арестован 15 июля 1922 года (епископ СЕРАФИМ, прот. МИРТ.).

Освобожден 25 июля 1922 г.

Арестован 10 сентября 1922 г. (Архиеп. НИКАНДР, архиеп. ФАДЕЙ, епископ КОРНИЛИЙ, ДОМИОЗ, НИКОЛАЙ, ВАСИЛИЙ, протонер. ГЛАГОЛЕВ, игумен ФИЛАРЕТ, свящ. С. ДУРЫЛИН, ДУЛОВ, протоиер. БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ (Ковров), КОНСТАНТИН (Суздаль)).

Приговор: 2 года ссылки в Зырянский край, считая с 14 ноября 1922 г.

Тюрьмы: Владимирская, Московская, Таганская (еписк. ФЕОДОСИЙ), Вятская.

Этапы (еписк. СЕРАФИМ, епископ НИКОЛАЙ) 10 сентября 1922 г.—15 мая 1923 г.

В Зырянском краю Усть-Сысольск, г. Усть-Вымь, с. Корчемье (митрополит Кирилл, архиепископ Фаддей, епископ Николай, протоиерей Богданов, архиеп. НЕОФИТ).

В народном суде пересуд по делу о ценностях, 1 год заключения.

За давностью дело прекращено апрель 1924 г.

В Зырянском краю без приговора сверх срока 14 ноября 1924 г. —(12—) 20 января 1925 г.

Возвратился во Владимир на церковное делание февраль 1925 г.

Арестован в Гавриловом Посаде 8 сентября 1925 г. при поездке по Епархии и препровожден во Владимир для выяснения личности 9 сентября 1925 г.

Освобожден 10 сентября 1925 г.

Арестован 2 января 1926 г.

Освобожден 2 марта 1926 г.

Предложено уехать из Владимира или прекратить управление Епархией. Отказался оставить вверенную мне Епархию — декабрь 1926 г.

Арестован 2 января 1927 г.

Московская внутренняя тюрьма — 3 января—30 апреля 1927 г.

В одиночке с митрополитом Сергием 23—28?

За принадлежность к группе архиереев (арх. Корнилий, арх. Григорий), возглавляемой митрополитом Сергием Старгородским — 3 года Соловецких лагерей.

Ленинградская пересыльная тюрьма — май 1927 г.

Соловецкие лагеря — Разноволока, Чуна Пристань, Попов Остров, г. Кемь. Сторож, счетовод хозяйства, сторож.

Арестован 23 декабря 1929 г.

Отправлен на Соловецкие острова 24 декабря 1929 г.

Возвращен на Попов Остров 1 января 1930 г.

Болезнь сыпным тифом в январе—феврале 1930 г.

В Соловецких лагерях по приговору июнь 1927 г.—2 января 1930 г.

Без приговора сверх срока — 2 января—23 февраля 1930 г.

Этапирован в Туруханский край на 3 года.

Тюрьмы: Ленинградские Кресты, Новосибирская, Красноярская пересыльная и внутренняя (Митрополит КИРИЛЛ) — 23 февраля—23 апреля.

Г. Красноярск, Енисейск, Станки, Туруханск, Мельничное, Селиваниха, Пунково. 1930 г.

Арестован в январе 1930 г., просидел в Туруханской каталожке (2—2 1/2 недели) январь—февраль 1932 г.

Освобожден в феврале 1932 г.

В Туруханском крае по приговору 30 апреля 1930 г.—2 января 1933 г.

Без приговора сверх срока — 2 января—6 августа 1933 г.

Возвратился во Владимир, был на свободе но не служил — август 1935 г.—18 апреля 1936 г.

Арестован (арх. СЕРГИЙ ГРИШИН, арх. ФИЛИПП ТУМ., ЮВЕНАЛИЙ) 18 апреля 1936 г.

Приговорен к 5 годам Беломорско—Балтийских лагерей.

Тюрьмы: Владимирская, Ивановская, внутренняя и пересыльная, Ярославская, Вологодская, Ленинградская пересыльная, Беломорские лагеря) ноябрь 1936—июнь 1941 гг.

Работал инкассатором. За похищенные у меня деньги 1 000 р. взыскана с меня эта сумма и добавлено срока 1 год — декабрь 1936 г.—январь 1937 г.

Работал на лесоповале, на строительстве кругло-лежневой дороги, бригадиром лаптеплетной бригады.

Арестован (без предъявления какого-либо обвинения. По милости Божией избежал великой опасности) и заключен в штраф-изолятор август—октябрь 1937 г.

Освобожден и возвращен на ? в конце октября 1937 г.

Арестован без предъявления обвинения и заключен в штраф-изолятор в начале ноября 1937 г.

Освобожден в декабре 1937 г.

На майские праздники 1938 г. заключен в штраф-изолятор.

В начале войны этапирован в Онежские лагеря пешком около 400 км. июнь—июль 1941 г.

В заключении был: по приговору 18 апреля 1936 г.—18 апреля 1942 г., без приговора сверх срока 18 апреля 1942 г.—30 июня 1942 г.

Бессрочная высылка в Омскую область. Совхоз Голышманово — ночной сторож на огороде июль—ноябрь 1942 г.

Г. Ишим декабрь 1942 г.—ноябрь 1943 г.

Арестован 7 ноября 1943 г.

Тюрьмы: Ишимская, Омская, Московские: внутренняя, Лефортовская, Бутырская, Краснопресненская — ноябрь 1943 г.—июль 1944 г.

Сибирские лагеря: полевые работы — август—сентябрь 1944 год.

Ассенизатор сентябрь 1944 г.—август 1946 г.

Арестован 30 августа 1946 г.

Мариинский пересыльный пункт, Московские тюрьмы: внутренняя, Бутырская, Краснопресненская август—сентябрь 1946 г.

Темниковские лагеря — плетение лаптей.

Дубров. лаг. — инвалид безработ.

В заключении по приговору — 9 января 1943 г.—9 ноября 1951 г.

Без приговора сверх срока: в лагерях 9 ноября 1951 г.—18 мая 1954 г.

В Зубово-Полянском доме инвалидов — 18 мая 1954 г. неизвестно до каких пор.

Сверх срока в заключении 3 года 4 месяца 22 дня.

27 июня 1954 года исполнилось 33 года архиерейства.

За это время: на епархиальном служении 33 месяца.

На свободе не у дела 32 месяца.

В изгнании 76 месяцев.

В узах и горьких работах 254 месяца.

Обычно, в жизни бывает: чем дольше разлука, тем больше ослабевают связи. Христинская любовь изменяет этот порядок. Мои добрые заботники, движимые христианской, а не мирской любовью, с каждым годом усиливают проявление своей заботы и попечения, с каждым годом умножают свою милостыню. Если в первые 2 года 4 месяца мне было прислано 72 посылки (по 30 посылок в год), то в последний 1954 год их было уже 200. Да не оставит Господь Своею милостию благодетелей моих. Верю: услышат они во оный день: приидите, благословеннии Отца Моего... В темнице был Я и вы посетили Меня.

еп. Афанасий.

*
**

«Вот, мы ублажаем тех, которые терпели. Вы слышали о терпении Иова и видели конец оною от Господа» (Иаков 5, 11).

Отец Владимир!

Слушая Ваши первые передачи, посвященные выступлению московских священников, мы с радостью почувствовали, что Вы не считаете возможным ограничиться поверхностным наблюдением того, что происходит сейчас в Русской Церкви, но стремитесь проникнуть в сокровенную глубину событий.

Мы знаем, как это трудно.

Будем же вместе молиться, да пошлет нам Господь простоту сердца, чтобы нам в хитросплетениях века сего не ошибиться в том, что есть Его воля.

Смиранный христианин
Русской Православной Церкви.

Москва,
31 августа 1966 года.

ПАМЯТИ ЕПИСКОПА АФАНАСИЯ

В 1951 году, в том же лагере, где был епископ Афанасий, находился историк евразиец П. Савицкий, арестованный в Праге, в 1945 году.

Освобожденный после смерти Сталина, П. Савицкий был возвращен в Прагу. В 1960 году, в Париже вышла книга стихов П.

П. Савишкого (под евразийским псевдонимом П. Востоков), в которой он описывает свой путь через тюрьмы и лагеря. Из лагерного цикла — два стихотворения-портрета посвящены епископу Афанасию. Приводим их здесь целиком:

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Владыке Афанасию к 30-летию его епископского служения. Из них около 20 лет прошло в заключении.

Минуло тридцать лет сурового служенья.
Ты устоял во всем, и свет горит в тебе.
В нем мудрости и правды излученья.
Они зажглись в страданиях и борьбе.

Поток страданий не сломил веселость.
Ты улыбаешься — и легче стало мне.
Ты смотришь на меня. В душе смолкает горечь.
Я кротости твоей дивлюсь и глубине,

Мерцающей в твоих делах привычных,
В походке, взгляде, ласковых словах.
О всем святом, высоком, необычном
Ты чрез простое подаешь нам знак.

10 июля 1951 г.

Преп. Сампсона странноприимца.

РУСЬ СНЕЖНАЯ

Владыке Афанасию.

Сколь многое дала мне Ваша дружба:
Преобразив чудесно вечера,
Наполнила их сказами про службы,
Про подвиги, века и города.

Да, знанья Вашего неимоверна память:
Святая Русь во всех ее делах,
И стройки вековой любой и год, и камень
Трепещут жизнью в ласковых словах.

Их слушаю, и кажется мне, будто
Острее и глубже стал и мысленный мой взор,
И что века я пережил в минутах,
И Руси снежной предо мной простор.

27 ноября 1948 г.

П. Востоков.

ЕПИСКОП АФАНАСИЙ*)

(НЕКРОЛОГ)

28 октября 1962 года в г. Петушки, Владимирской области, на 76-м году жизни скончался проживавший там на покое епископ Афанасий (бывший Ковровский), викарий Владимирской епархии.

Епископ Афанасий (в мире Сергей Григорьевич Сахаров) родился 2 июля 1887 года в семье служащего.

Рано лишившись отца, он остался на попечении своей матери, очень религиозной женщины. Чтение и прислуживание в храме являлись его любимым делом от самой юности. Поэтому мать решила дать сыну духовное образование. Сергей Сахаров прошел обычный путь этого образования: сначала в Шуйском духовном училище, затем во Владимирской духовной семинарии и, наконец, в Московской духовной академии, которую он окончил в 1912 году.

Еще на студенческой скамье у Сергея Сахарова созрело твердое решение принять монашеский постриг, и по окончании курса Московской духовной академии он привел свое решение в исполнение. Пострижение его в монашество состоялось 12 октября 1912 года с наречением имени Афанасий. Через два дня он был рукоположен во иеродиакона, а 17 октября — во иеромонаха. В этом же году иеромонах Афанасий назначается на должность преподавателя пастырского богословия, гомилетики и литургики в Полтавскую духовную семинарию, а через год переводится во Владимирскую духовную семинарию, в которой преподает те же предметы до 1918 года.

В 1917 году иеромонах Афанасий был избран членом Всероссийского Церковного Собора, на котором принимал деятельное участие в качестве члена Богослужебной комиссии. После этого он состоял некоторое время наместником Рождественского монастыря во Владимире и затем настоятелем Боголюбского монастыря. А 27 июня 1921 года архимандрит Афанасий был хиротонисан во епископа Ковровского.

*) Из "Журнала Московской Патриархии", № 12, 1962 г.

Сейчас трудно установить, сколько времени Преосвященный Афанасий правил своей епархией, но известно, что в связи с большими церковными нестроениями, вызванными расколом обновленчества, который во Владимирской епархии создал себе административный центр, он оказался в изгнании, из которого он вернулся лишь в 1954 году, поселившись в г. Петушки, Владимирской области.

Последние годы жизни епископа Афанасия в Петушках явились годами затвора и ученого подвижничества. Несмотря на преклонный возраст и перенесенные труды и болезни, он с юношеским рвением трудился над исследованием нашего православного богослужения, житий русских святых и составил обстоятельный труд «О поминовении усопших по уставу Православной Церкви». Как знаток богослужения Православной Церкви и православной агиографии, Преосвященный Афанасий трудился некоторое время в качестве председателя Богослужебно-календарной комиссии при Издательстве Московской Патриархии и внес при этом немало исправлений в месяцеслов святых.

В феврале 1959 года он в Троице-Сергиевой Лавре принимал участие в хиротонии епископа Уфимского Никона.

Любовь, теплоту и сердечность чувствовал каждый, кто соприкасался с благостным архипастырем. Беседы с ним были увлекательны. Его многочисленные друзья могли многие часы проводить с ним в этих беседах, знакомясь с его открытиями в области литургики и агиографии или слушая глубокие изъяснения богослужебных текстов. Каждый уходил от него духовно обогащенным и умиротворенным. И теперь, когда уже нет с нами Преосвященного Афанасия, одно воспоминание о его светлом и ласковом образе радует сердце и возвышает дух.

Скорбная весть о кончине епископа Афанасия быстро облетела верующих и к его квартире стали стекаться его друзья и почитатели, чтобы отдать последний долг почившему. В течение трех дней непрерывно читалось Евангелие над гробом почившего и служились литии.

30 октября, в 16 часов, был совершен вынос тела покойного для отпевания в Успенском соборе г. Владимира. Началось всенощное бдение. Почивший архипастырь оставил такое завещание: «Мои друзья, чада духовных и всех, кому судит Господь послужить при моем погребении, усердно прошу, чтобы как чин погребения, так и все поминальные моления совершать по возможности с точ-

ным соблюдением всех правил церковного устава о поминовении усопших. В частности, прошу, чтобы накануне погребения около моего гроба отнюдь не было совершенно никакой так называемой заупокойной всенощной. Пусть будет совершена только великая панихида с непорочными и положенными к ним припевами и с полным канонам».

Завещание было исполнено. После всенощного бдения по случаю праздника св. апостола и евангелиста Луки архиепископ (б. Винницкий) Симон в сослужении двенадцати священников совершил великую панихиду, длившуюся полтора часа.

На следующий день, 31 октября, архиепископ Симон совершил Божественную литургию, без всяких заупокойных добавлений — по завещанию покойного архипастыря. После литургии архиепископ Владимирский и Суздальский Онисим и архиепископ Симон в сослужении настоятеля собора прот. А. Р. Тыщука и 17 священников совершили отпевание почившего святителя по чину монашеского погребения, без сокращений, согласно его завещанию.

Перед началом погребения архиепископ Онисим произнес содержательное и глубоко прочувствованное слово, посвященное светлому образу почившего архипастыря. А во время отпевания ученик покойного святителя прот. А. С. Громов поведал о нем, как о добром наставнике, заветы которого оставили неизгладимый след в сердцах воспитанников.

По окончании отпевания гроб с телом почившего архипастыря был обнесен вокруг храма, и после прощания процессия с гробом направилась на Введенское кладбище г. Владимира. Здесь, в присутствии многочисленных друзей, Преосвященный Афанасий был погребен рядом с его матерью.

ДЕЛО ЕПИСКОПА ЕРМОГЕНА ГОЛУБЕВА

Как известно из приложения к письму двух священников, в 1956 году епископ Ермоген Голубев, тогда управлявший Калужской епархией, подал в Патриархию заявление, подписанное восемью епископами, о необходимости созыва поместного собора для пересмотра постановлений архиерейского совещания 1961 года... Результатом этого прошения была отставка епископа Ермогена... Не в первый раз приходилось епископу Ермогену покидать свою паству. В 1961 году, в свою бытность на Ташкентской кафедре, епископ Ермоген смело и успешно воспротивился закрытию храмов («на его совести, писали два священника, нет ни одного закрытого храма»), за что ему был представлен отпуск на год.

Однако, тот факт, что епископ Ермоген держится особого мнения и что его отставка молчаливо нарушает призрачное единство запуганного

епископата настолько беспокоило руководителей Московской Патриархии, что в начале октября 1966 года он был вызван в Патриархию. Там ему предложили подписать заявление следующего содержания:

“Как и в Советском Союзе так и за границей ходят слухи, что я нахожусь в оппозиции Патриарху и Патриархии и одобряю позицию занятую двумя священниками. Сим заявляю, что я всецело согласен с действиями Патриархии и осуждаю как первоначальные так и последующие послания двух священников”.

Заявление это епископ Ермоген отказался подписать, а вместо него подал следующее:

“В декабре прошлого года меня уволили с моей епархии в то время как есть у нас много вакантных епархий. Мне кажется, что лучшим доказательством того, что я ни в коей мере не нахожусь в оппозиции было бы назначение меня на одну из них”.

На это заявление епископу Ермогену было отвечено, что назначен на епархию он быть не может.

Этот инцидент не нуждается в пространный комментарий. Он красноречиво свидетельствует о “нравах”, вернее о безнравственности руководителей Московской Патриархии, а с другой стороны, о мужественном стоянии за правду епископа Ермогена, о котором даже видные представители Экзархата Московской Патриархии говорили, что “он лучший из теперешних русских епископов”. К сожалению мы имеем лишь очень скудные биографические данные об епископе Ермогене. Знаем только, что он родился около 1895 года, а в епископы был посвящен 1-го марта 1953 года.

НЕИЗДАННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Недавно, в издательстве “Посев” вышел сборник лучших произведений А. Солженицына, появившихся в советской печати или за рубежом. Но известно, что многие произведения автора “Матренина двора” до сих пор не увидели света, так как носят религиозный характер.

Ниже печатаемая “Молитва” — лишь одна страничка из неопубликованных рукописей А. Солженицына, но она проливает яркий свет на внутренний мир писателя.

Редакция.

МОЛИТВА

Как легко мне жить с Тобой, Господи! Как легко мне верить в Тебя! Когда расступается в недоумении или сникает ум мой, когда умнейшие люди не видят дальше сегодняшнего вечера и не знают, что надо делать завтра — Ты снисылаешь мне ясную уверенность, что Ты есть и что Ты позаботишься, чтобы не все пути добра были закрыты.

На хребте славы земной я с удивлением оглядываюсь на тот путь через безнадежность — сюда, откуда и я смог послать Человечеству отблеск лучей Твоих.

И сколько надо будет, чтоб я их еще отразил — Ты дашь мне. А сколько не успею — значит, Ты определил это другим.

Д. Д.

ЛИТУРГИЯ ВЕРНЫХ (1)

Кто оглашенный?

Изыди из храма.

Двери. Премудрость. Внимайте все верные.
Веруем мы, что Христос вечно с нами,
Вынесем с Ним свои муки безмерные.
Эти томления, эти скитания,
Тюрьмы. Дороги далекие, трудные...
Братья, не будем же мы безрассудные.
Тем причастимся Господня страдания:
Тайны разбойникам мы не поведаем,
И не дадим, как Иуда, лобзания.
В муках своих мы Христа исповедуем,
Он лишь одно упование.

Кончатся пытки бесчеловечные.

И день наступит для нас избавления.

Чаем из мертвых мы воскресения,
Веруем в радости вечные.

ВЕЛИКАЯ ЕКТЕНИЯ

Молимся, Боже, мы странники горькие,
По своим землям жестоко гонимые.
Слишком у нас дни скитания долгие,
Слишком страдания неутолимые.

Господи, Боже, помилуй ны!

Молимся, Боже, о семьях оставленных,
Как они плачут, тоскуют родимые.
Молимся, Боже, о всех обесславленных,
Что нам сочувствуют неустрашимые.

Господи, Боже, помилуй их!

1) Эта рукопись неизвестного автора получена нами с оказией из России.

Молимся, Боже, Тебе о расстрелянных,
О всех на тяжких работах замученных:
В шахтах, болотах, каналах рассеянных...
Верных Тебе или верить наученных.

Господи, Ты упокой их!

Молимся, Боже, Тебе о гонителях.
Все им прости, ведь они ослепленные.
Дай лишь, чтоб не было больше мучителей
И отдохнули давно утомленные.

Господи, Боже, прости им!

Яко десница Твоя всеблагая,
Яко держава Твоя всемогущая.
Дай, чтоб Россия, нас всех собирая,
Долю для нас приготовила лучшую.

Слава и ныне и присно. Аминь.

НОВАЯ МИНЕЯ

Страдания новую Минею составляют,
Крестом обозначают дни святых.

НОЯБРЬ: Кто убиенных сосчитает?
Какое множество погибло их!

ДЕКАБРЬ: Все так же люди погибают.

ЯНВАРЬ: Смерть увеличила размах.

ФЕВРАЛЬ, МАРТ: Новые страдалцы прибывают.

АПРЕЛЬ и МАЙ: Идут они в снегах.

ИЮНЬ, ИЮЛЬ: Смерть косит по дорогам.

Мор в АВГУСТЕ почти уже сплошной.
От холода и голода жертв много.

СЕНТЯБРЬ устлал все трупной пеленой.

ОКТАБРЬ: Всех, иже во святых, поминовенье,
Престольный праздник на Руси святой.

ГОСПОДЬ, ПОДАЙ ЖИВУЩИМ НАМ ТЕРПЕНЬЕ,
Их улажая, путь окончить свой.

И ДРУЗЬЯ ОСТАВИЛИ ЕГО...

И друзья оставили его...
Все в страданиях нашем оставляют.
Крест один и больше ничего,
Палачи гвоздями пригвозждают.

Мать не знает, как страдает сын,
Лишь неведомо по нем вздыхает.
Я с крестом своим один, один,
Гвозди мои раны раздирают.

Боже, Боже, я Тебе молюсь:
Ты один, кто вот сейчас со мною.
В руки Твои, Боже, предаюсь,
Преклонясь смиренно головою.

Мне не жаль мир этот палачей,
Мне не жаль мир этот всяких трусов.
И седая голова смертей
Закачала, как ребенок — русой.

Маленький ребенок — смерть моя,
Ласковый, невинный, — что бояться?
Мир, как подколотая змея,
Я с тобой желаю распрощаться.

Боже! В этот час последний мой
Я молюсь о материнском вздохе.
Ниспосли ее душе покой
После слез, ее страданий многих.

Палачам в жестокости своей
Отпусти все, как безумцам жалким.
И прости еще моих друзей —
Трусов, убегающих от палки.

Догорающий луч солнца золотой
Наготу мою прикрыл порфирой.
Господи! Страдальческий дух мой
Приими Ты в Царство Света с миром.

ЗА ПРОСКОМИДИЕЙ

Всех, кто был разлучен и пытаем,
Всех страждущих, всех терпевших
Мы в молитве своей поминаем...
Помяни, Боже, в пытках горевших.
Помяни, Боже, их, помяни!

Помяни день, когда нас схватили,
Помяни слезы горько рыдавших.
Помяни, как ручонками били
Дети в грудь. Горе рано узнавших.
Помяни, Боже, их, помяни!

Помяни провожавших украдкой,
Пожелавших пути нам обратного.
Помяни, как и им тож несладко
Было здесь, от их подвига ратного,
Воевавших в невольном молчании.
Помяни, Боже, их, помяни!

Помяни, как терпели отчаянно
Под конвоем водимые,
Даже ветром гонимые,
Шли, не зная куда, неприкаянно.
А бураны вздымались слепящие,
А метели крутились вихрящие,
Заметая весь свет, — как пройти здесь?

Богатырь напрягался и витязь.
Истощалась их сила великая.
А над ними, и лая, и гикая,
Наклонялись, оскалившись, морды,
И ложили раздетых на отдых.
Говорили: «Ну, вот и подох ты!..»
Помяни, Боже, их, помяни!

Помяни тех, кто пыток не выдержав,
Помутившись умом, жизнь кончали.
Помяни их большие печали...
Помяни еще тех, кто все выдюжив,
И вернувшись, с собой все ж покончил...
Кто поймет их смятенье? Ты, Боже!
Ты за нас кровь Свою проливавший,
Ты за нас прежде нас пострадавший.

Помяни тех, кто все расстояния
Миновав, приезжал на свидание,
И смотрел, обливаясь слезами.
Кто сугробы раскапывал снежные,
Кто не верил в слова безнадежные,
Кто душою парил над снегами.
Чьи еще и сейчас там рыдания
Из сугробов зовут на свидания.
Помяни, Боже, их, помяни!

Помяни за молитвы усердные,
За обидимых, верной Заступницы,
Перед Кем зло любое расступится,
Чьи нас грели слова милосердные,
Кто стоял у креста Твоего.

Помяни за уже отстрадавших,
За молитвы их вечно горящие,
За молитвы венец свой приявших,
За молитвы к Тебе приходящие,
Кто не ищет уже ничего.
Кто нашел в Тебе, Боже, все горнее,
За Тебя кто оставил все дальнее.
Помяни за Голгофские муки,

За Твои нас объявшие руки.
Своей кровью отмый согрешения,
Убели нас, подай нам прощение
За все вольное и невольное,
За умышленное и случайное,
За желание недостойное,
И за явное и за тайное.
И озлобленных, и озлобивших
Помяни, примирив их Собою.
И согнувшихся, и их сгорбивших
Помяни!..

И кто с черной душою
Ходит, ныне от нас отверженный,
Помяни!..

И кто ходит рассерженный,
Не желая обиды простить.
Помяни!..

Помяни, Боже, Ты, помяни,
Помяни наши тяжкие дни.

Ты наш Бог, наше Ты упование,
Только Ты можешь снять все страдания
С наших плеч, за все годы натруженных,
С душ больных и с сердец занедуженных.
Помяни, Боже, их, помяни!

ДВА СВИДЕТЕЛЬСТВА

ЮРИЙ КАЗАКОВ О СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

Впервые Юрий Казаков побывал на Соловках десять лет тому назад. Результатом этой поездки явились очерки о русском севере, полные любви и... горечи. Юрий Казаков не мог не видеть, как трудно живется поморам. Еще более трагически изобразил он жизнь поморов в рассказе «Нестор и Кир», в журнале «Простор» № 4, за 1965 год.

В текущем году Юрий Казаков вновь побывал на Соловках, и пришел в смятение от того, что он там увидел (1). Вернее, он уже десять лет тому назад видел это, но думал, что сейчас все изменилось, что ценнейшие памятники русской архитектуры Архангельской области восстановлены. Ведь об этом писали газеты, об этом говорил даже представитель Архангельского облисполкома В. А. Пузанов на специальной конференции в июле текущего года.

Вот что видел на Соловках Юрий Казаков десять лет тому назад:

«Монастырь — разрушен, изъязвлен, ободран и потому — страшен. И долго в смятении, в горестном недоумении, в злости ходил я вокруг монастыря, а он мне выставлял в смиренности обшарпанные стены церкви, дыры какие-то, обваливающуюся штукатурку, как после вражеского обстрела, как раны — это и были раны, но сделаны они были «сынами отечества», речь о которых будет впереди».

А что увидел Юрий Казаков на Соловках сейчас, десять лет спустя? Вот каким предстал перед ним монастырь:

«По монастырю страшно ходить. Все лестницы и полы сгнили, штукатурка обвалилась, оставшаяся еле держится. Все иконостасы, фрески уничтожены, деревянные галереи сломаны. Купола почти на всех церквах разрушены, крыши текут, стекла в церквах выбиты, рамы высажены. Прекрасных и разнообразных часовен, которых было много возле и внутри монастыря, теперь нет. Во дворе монастыря висят на деревянной перекладине два уцелевших монастырских колокола. Один из них весь избит пулями. Какой-то «сын отечества» забавлялся, стреляя по колоколу из винтовки, — наверное, звон был хорош!».

1) «Литературная Газета», 13 сентября 1966 г.

Не пожалели «сыны отечества» и гробницы Авраамия Палицына — сподвижника Минина и Пожарского. Кто-то нацарапал на уцелевшей могильной плите свою фамилию.

Юрий Казаков продолжает:

«Сколько скитов было на Соловках, сколько часовен, келий, гостиниц, беседок, мастерских, огородов и садов, — и все это теперь оказывается уничтоженным. Поневоле приходишь к мысли, что в этих разрушениях повинна чья-то злая воля, обрекая прекрасный край на забвение. И си-лишься постигнуть, чем же руководствовались люди в своей ненависти к Соловецкому архипелагу, какая им была выгода, какая была выгода государству... в столь целеустремленном уничтожении архитектурных и исторических ценностей? И не можешь постигнуть...».

Далее Юрий Казаков обвиняет печать, которая не пишет правды о Соловках, бодрых репортеров, говорящих о красивой природе Соловков, но ни словом не упоминающих о страшных разрушениях всей культуры архипелага. Обвиняет он и местных руководителей, которые говорят, что приводят в порядок монастырь и другие памятники культуры, в действительности же ничего не делают.

«Потому что если бы хотели превратить Соловки в музей-заповедник, в гордость не только Архангельска, но и всей нашей страны, давно бы сделали это, не дожидаясь выступлений в центральной печати».

Побывал Юрий Казаков и на Анзерском острове. И здесь он нашел только «мерзость запустения». Обнаружив на острове один уцелевший скит, Юрий Казаков направился к нему. Но опять разочаровался.

«Бурьян, иван-чай, какие-то зонтичные травы — все это было нам по плечи, дома стояли без стекол, с черными глазами, кельи вблизи сочились красной кирпичной кровью, церкви разбиты, исковерканы, на одной колокольне вместо купола сторожевая вышка с перильцами, окна на втором этаже келий в толстых решетках. Полы внутри келий были проломаны, лестницы на второй этаж обрушены, в церковь мы так и не вошли — побоялись».

«Все было, как после войны, как после нашествия марсиан, — мертво, пусто, ни души кругом, одни мерзостные следы запустения и какого-то извращенного разрушительства».

А ведь когда-то этот край был светочем русского севера, центром культуры.

«Сколько столетий теплилась тут жизнь, ежевечерне плавал над морем и озерами колокольный звон, сколько зим пережил этот скит, вознося струйки дыма к небу, сколько весен и белых ночей! И вот теперь конец и смерть? Кому же понадобилась эта смерть, кому от нее стало легче жить...?»

Пока на Соловках хозяйничали монахи — там все было: процветало хозяйство, процветала культура. Теперь на Соловках нет ничего. Нет даже рыболовецкой артели, которая могла бы накормить рыбой местных жителей. Вместо свежей рыбы в магазинах продают трехлетней давности селедку, пойманную возле берегов Ньюфаундленда.

Юрий Казаков никак не может понять, зачем надо было исключать Соловки из жизни, из экономики области и страны? Неужели только потому, что стены монастыря были выложены монахами?!

В заключение Юрий Казаков пишет:

«Соловки нужно спасти! Потому что советскому человеку нужна история. Нам просто необходимо иметь перед глазами деяния наших предков, далеких и близких, потому что без гордости за своих отцов народ не может строить новую жизнь».

ФРАНСУА МОРИАК О РОССИИ И РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Франсуа Мориак не только крупнейший французский романист, он тоже один из самых ярких, самых глубоких современных публицистов. Уже много лет, каждую неделю, Мориак печатает в литературном приложении к известной газете «Фигаро» свои заметки на самые разнообразные темы, политические, философские, религиозные, литературные: это своего рода «Дневник Писателя».

За последние недели, видимо в связи с поездкой в Россию генерала де-Голля, Мориак неоднократно касался одной из своих излюбленных тем: о религиозном призвании России. Россия, русский народ были всегда близки Мориаку:

«С самого моего отрочества, — пишет он, — Толстой и Достоевский, а несколько позже Бердяев, Чехов и Пастернак сделали так, что русский народ мне стал как-то ближе, чем мой собственный народ: этим я хочу сказать, что есть некоторые черты моего сокровенного «я», которые я узнавал в них и которые отсутствуют в засушенных наших писателях...».

Дочь Франсуа Мориак вышла замуж за ныне уже покойного князя Вяземского: Мориак любит гордиться, что его внуки — потомки знаменитого писателя Пушкинской поры. Одно время из любви к русскому народу Мориак вступил в общество Франция-СССР, но вскоре из него вышел. В 1964 году он согласился быть председателем экуменического комитета, цель которого осведомлять общественное мнение о положении Церкви в России. На торжественном собрании, устроенном этим комитетом, Мориак воскликнул, перефразируя известное изречение Паскаля:

«Христос страдает даже до смерти в Москве: мы не имеем права спать в это время».

«Литературный дневник» от 15 мая целиком посвящен России. Чтение только что вышедшего перевода поэмы Анны Ахматовой «Реквием», перевернула Мориаку душу. В этой поэме великая русская поэтесса описывает страдания и просветленную скорбь матери и жены в тяжелые годы «ежовщины».

Анна Ахматова представляется Мориаку как символ всей России:

«Ахматова, я думаю о Вас, — пишет Мориак. — В тот момент как генералу де-Голлю будет рукоплескать Ваш народ, я хочу громко и ясно сказать, за что мы, французские католики, любим этот народ. Нет, не за то, что он первым достигнет луны. Нежной любовью мы любим то, что остается от Святой Руси под свист комсомольцев, то что отказывается умирать несмотря на все законы о крещении, несмотря на тысячи закрытых или разрушенных церквей — а те, что открыты, запрещены подросткам и детям, — любим мы именно эту Россию, которая осталась верна себе, подобно тому, как Анна Ахматова осталась верна своей советской родине, несмотря на то, что муж ее был расстрелян, а сын посажен в тюрьму».

Крест «Святой Руси» Мориак не отделяет от общих бедствий, постигших наш мир. Но не являются ли исторические катастрофы следствием богоотступничества?

«Столько народов, — продолжает Мориак, — было распято, с тех пор как Нитше объявил смерть Бога. Эти распятия как бы

затмили друг друга: страшные страдания испанского народа, Польши, Израиля и других как-то перекрыли друг друга и заставили нас о них забыть. Современная история Европы — сплошной лес крестов. Но распятие России длилось сорок лет. Длится оно и сейчас».

Мориак себя спрашивает: уместно ли это говорить накануне поездки де-Голля в Москву, но сразу же сам себе отвечает:

«Нет, я не могу согласиться на это медленное удушение русской Церкви. Вы, — обращается Мориак к левой общественности, — разоблачаете молчание папы Пия XII перед геноцидом, но сами Вы молчите сегодня, когда преследуется, вытраивается, разрушается в Советской России то, что является незаменимой надеждой народа».

К судьбе русской церкви Мориак вернулся и в следующем дневнике, написанном накануне Пятидесятницы. В нем Мориак размышляет о судьбах самого христианства в свете евангельских слов: «в мире, но не от мира». «О царстве Божьем, — пишет Мориак, — всегда говорится как о малом квасе, о малом количестве дрожжей, замешанных в огромное и бесформенное тесто, как о чем-то глубоко зарытом». И тут Мориак высказывает одну из своих заветнейших мыслей:

«То, что остается от Христовой веры в Советской России и в коммунистическом Китае, то, что превозмогло все приемы удушения, все промывания мозгов, имеет больше, может быть, цены у Бога, чем Церковь торжествующая и пресыщенная».

Мориак не боится наступления того дня, когда оправдаются слова Христовы: «Когда Сын человеческий вернется, найдет ли Он еще веру на земле?» Он знает о насильственной дехристианизации в восточных странах Европы, знает и об обмирщении христианства на Западе. И потому в канун Пятидесятницы, дня великих обещаний Духа, мысли великого французского писателя дwoятся: с одной стороны, они «грустные и мрачные, потому что он видит этот мир таким, каким он есть; но с другой стороны, они исполнены радости, потому что «он верит в дух, который воспламеняет в наши дни и в одной только России гораздо больше праведников, чем того требовал Бог, чтобы пощадить Содом».

НОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ И КУЛЬТАХ В СССР

В "Ведомостях Верховного Совета РСФСР" № 12, 1966 г. от 24 марта, напечатано два Указа и одно Постановление, касающееся религиозных объединений и культов. Эти правовые акты датированы 18 марта 1966 г., что свидетельствует о новом "комплексном" регулировании данного вопроса. Хотя они относятся только к РСФСР, однако нет сомнения, что такие акты будут также изданы (а может быть уже изданы) и в прочих союзных республиках.

Статья 142 Уголовного Кодекса РСФСР 1960 г., озаглавленная "Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви", гласит:

"Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви — наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до 50 рублей".

Второй из упомянутых указов от 18 марта 1966 г. дополняет ст. 142 частью второй:

"Те же деяния, совершенные лицом, ранее судимым за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, а равно организационная деятельность, направленная к совершению этих деяний, наказываются лишением свободы до 3 лет" (подчеркнуто — АВ)..

Судя по расширению пределов наказания, можно утверждать, что борьба советского государства против религии обострилась. Нарушения правил об отделении церкви от государства еще никогда не наказывались такими сроками лишения свободы. Для сравнения напомним соответствующие статьи УК от 1926 г.:

"Преподавание малолетним или несовершеннолетним религиозных вероучений с нарушением установленных для этого правил влекло за собой исправительно-трудовые работы до одного года (ст. 122);

Совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения для извлечения выгод — исправительно-трудовые работы на срок до одного года с конфискацией части имущества или штраф до 500 рублей (ст. 123);

Принудительное взимание сборов в пользу церковных и религиозных групп — исправительно-трудовые работы на срок до 6 месяцев или штраф до 300 рублей (ст. 124);

Присвоение себе религиозными или церковными организациями административных, судебных или иных публично-правовых функций и прав юридических лиц — исправительно-трудовые работы на срок до 6 месяцев или штраф до 300 рублей (ст. 125);

Совершение в государственных и общественных учреждениях и предприятиях религиозных обрядов, а равно помещение в этих учреждениях и предприятиях каких-либо религиозных изображений — исправительно-трудовые работы на срок до 3 месяцев или штраф до 300 рублей (ст. 126)".

Все эти составы преступлений были сформулированы еще в "Декрете о свободе совести, церковных и религиозных обществах" от 20 января 1918 г. Законодателю осталось установить размеры наказания.

Нельзя утверждать, что УК РСФСР от 1960 г. был либерален в отношении религиозных культов. В нем нет точного перечня составов преступлений, как это было в УК от 1926 г. Он ограничился общим наказанием "нарушения законов об отделении церкви от государства и школы от церкви" исправительными работами на срок до одного года или штрафом до 50 рублей. Суд получил в отдельных случаях право решать в этих пределах самостоятельно, руководствуясь голосом "социалистического правосознания".

По другому понял либерализм УК от 1960 г. простой советский человек. Он рассуждал: если в сталинское время религии посвящались в УК пять длинных статей, а в новом УК только две строчки (ст. 142), то надо полагать, что государство уже не считает религии общественно опасным явлением. Неясно было также и работникам юстиции, что следует понимать под "нарушением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви". Закон не делает никакой ссылки на Декрет от 1918 г. Следует ли в данном случае руководиться статьями старого УК от 1926 г. или как быть?

По-видимому, юстиция изолировалась от религиозной борьбы и принимала меры только в самых особых случаях. С целью устранения сомнений и "в связи с вопросами, возникающими в практике применения статьи 142 УК РСФСР" Президиум Верховного Совета РСФСР компетентным образом сейчас разъяснил, что именно следует понимать под нарушением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви. Это разъяснение в некоторых пунктах отходит от декрета 1918 г. и от УК 1926 г. и свидетельствует, что религиозная борьба в СССР приняла особые формы. Итак,

"изготовление с целью массового распространения или массовое распространение обращений, писем, листовок и иных документов, призывающих к неисполнению законодательства о религиозных культах",

влечет за собой — согласно разъяснению Президиума ВС — уголовную ответственность по ст. 142 УК. Также по этой статье наказываются организация и проведение религиозных собраний, шествий и других церемоний культа, нарушающих общественный порядок.

Это много, если учесть, что до сих пор наказывались эти деяния только административными мерами. УК применялся лишь в случаях совершения религиозных обрядов "в государственных и общественных учреждениях и предприятиях".

Наряду с обострением антирелигиозной борьбы приходится отметить некоторое стремление к законности. Итак, УК 1926 г. наказывал "вос-

препятствование совершению религиозных обрядов" (поскольку они не нарушали общественного порядка и не сопровождались посягательством на права граждан) исправительными работами на срок до 6 месяцев (ст. 127). Этот состав преступления был полностью пересмотрен в УК 1960 г. (ст. 143). Сейчас Президиум ВС в упомянутом Постановлении разъясняет, что

"отказ гражданам в приеме на работу или в учебное заведение, увольнение с работы или исключение из учебного заведения, лишение граждан установленных законом льгот и преимуществ, а равно иные существенные ограничения прав граждан в зависимости от их отношения к религии",

влекут за собой уголовную ответственность по ст. 142 УК. Дело в том, что в учебных заведениях, в т. ч. и в вузах учащиеся обсуждают религиозные вопросы, заявляют о своем положительном отношении к религии, ссылаясь на конституционное право свободы совести. Против верующих студентов принимаются меры: лишения стипендий, квартир и т. п. Сейчас Президиум ВС решил, что к верующим придирается нельзя.

Особый интерес вызывает первый из упомянутых указов от 18 марта 1966 г. "Об административной ответственности за нарушения законодательства о религиозных культурах". В нем говорится, что "нарушения установленных законодательством правил организации и проведения религиозных собраний, шествий и других церемоний культа" влекут за собой административный штраф до 50 руб., налагаемый административными комиссиями при исполнительных комитетах районов (городских) советов. Из этого следует, что шествия и другие церемонии не запрещены вообще; наоборот, местные административные органы уполномочены (по указанию правительства) разрешать шествия, обязывая организаторов к соблюдению определенного порядка. Нарушение этих правил наказывается административными мерами. Шествия и другие подобные церемонии без разрешения наказываются — как это следует из упомянутого Постановления — в уголовном порядке по ст. 142 УК. **Легализация религиозных церемоний в пределах специальных разрешений налицо!**

Легализация коснулась не только религиозных церемоний, но и самих религиозных объединений. До сих пор правительство через свои органы общественного порядка игнорировало существование религиозных объединений, поскольку их деятельность не нарушала уголовных законов. Деятельность сект, совершающих изуверские обряды, а также и самые секты были запрещены (например, секта пятидесятников-трясунов и др.) (см. Советское уголовное право, Часть особая, Москва, 1965, стр. 219).

Другое предусматривает Декрет от 1918 г., ст. 10: "Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах...". В 20-х годах в советском праве об обществах и союзах, не преследующих извлечения прибыли, действовала концессионная система... Разрешались только те общества, устав которых был соответствующими органами утвержден, а общество нормальным порядком зарегистрировано. (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 августа 1922 г. с последующими изменениями). Эти общества подлежали административному контролю госорганов.

В 1932 г. произошла реорганизация. 10 июля ВЦИК и СНК РСФСР было издано "Положение о добровольных обществах и союзах" (текст см. Сборник нормативных актов по советскому административному праву, 1964 стр. 109—114), ст. I которого гласила:

"Добровольные общества и их союзы... ставят своей задачей активное участие в социалистическом строительстве СССР..." и (ст. 3)... проводят свою деятельность в соответствии с планом народного хозяйства и социально-культурного строительства...".

Понятно, что это положение не могло распространяться на религиозные объединения. А так как действовавшие до сих пор положения об обществах были отменены, существование религиозных объединений потеряло юридическую основу. Они существовали фактически, поскольку не были запрещены.

Следует также напомнить, что в 20-х годах утверждение уставов и регистрация обществ сопровождались основательной проверкой целей общества, методов его деятельности и т. п. В связи с этим административные органы могли требовать исключения из общества неблагонадежных членов. Все это в 1932 г. отпало. Пожалуй, за исключением религиозных, все другие общества, не отвечающие требованиям Положения от 1932 г., были запрещены, а регистрация религиозных обществ не происходила.

Указ от 18 марта 1966 г. устанавливает,

"что нарушение законодательства о религиозных культурах, выразившееся в следующих действиях:

уклонение руководителей религиозных объединений от регистрации объединения в органах власти;...

организация и проведение служителями культа и членами религиозных объединений специальных детских и юношеских собраний, а также трудовых, литературных и иных кружков и групп, не имеющих отношения к отправлению культа"

— влечет за собой адм. штраф в размере до 50 рублей.

Правительство, по-видимому, пришло к выводу, что надо возвратиться к системе разрешений. Когда конкретно ее сейчас введут, трудно сказать. Удивляет только, что все это делается "конспиративными методами". Нет сомнения, что при регистрации религиозных объединений требуется изложение целей и методов деятельности объединения, списка членов (как это требовалось в 20-х годах!), отчетности и т. п. Правительство (т. е. его местные органы) входят с религиозными объединениями в контакт, при определенных условиях разрешают шествия и другие церемонии, но запрещают юношеские собрания, а также трудовые, литературные и другие кружки.

Не исключено, что этот запрет вызван существованием таких кружков, из чего следовало бы делать вывод, что церковные и религиозные организации сейчас весьма активны. Факт, что упомянутые указы были напечатаны в официальном издании Верховного Совета РСФСР, свидетельствует о том, что религиозное движение растет, и что правительство изменило по отношению к нему свою политику.

СЛОВО НА ЧУДЕСНОЕ НАСЫЩЕНИЕ НАРОДА

Повествование о чудесном насыщении народа пятью хлебами встречается у всех четырех евангелистов, а Матфей и Марк повествуют еще о насыщении семью хлебами. Ввиду этого трудно сомневаться, что эти события не были бы нам хорошо знакомы. К сожалению, к тому, что хорошо нам известно, даже если это священный текст, мы, по нашей слабости, относимся менее внимательно и тем самым лишаем себя очень многого. Это относится и к событию чудесного насыщения народа.

Прежде всего, при должном внимании к этому чуду, нельзя не вспомнить, что Господь отказался совершить подобное чудо, когда Сам взалкал в пустыне. Он отклонил предложение диавола обратить камень в хлеб, сказав при этом, что не хлебом единым жив будет человек, но словом, исходящим из уст Божиих.

Христос отверг и другие искушения диавола, так как в них также заключалось предложение использовать чудотворную силу в пользу самого чудотворца. Господь творил чудеса только для других людей, по любви к ним совершил Он и чудесное умножение хлебов.

Божественная любовь всегда стремится дать наибольшее и самое совершенное. И в данном случае, насыщая своих проголодавшихся слушателей, Христос не только укреплял их телесные силы, но и духовные.

Вспомним слова Его: «Ищите прежде всего Царствия Божия, и это все приложится вам».

Вот эти слова, при насыщении народа в пустыне, как раз наглядно исполнились, как исполняется каждое слово Божие. «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут», — вспомним и это слово Господне.

Люди, следовавшие за Господом в пустынное место и до вечера внимавшие Ему, конечно искали прежде всего Царствия Божия, они не позаботились даже захватить чего-либо съестного, — и вот им и приложилось все остальное, в данном случае, хлеб и рыба.

Этим насыщением Господь укрепил их и нашу веру в Свои слова: «ищите прежде Царствие Божие и все остальное приложится вам, ибо Отец Мой Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом».

Бог щедр в высшей степени; в каждом даре Его заключается целое богатство различных дарований. Надо только присмотреться к тому, что Он даст. Бог есть любовь, а любовь всегда одаряет, и чем больше дает, тем более она возрастает, чтобы вновь одарять все больше и больше.

Истинная любовь одаряет с преизбытком, и мы видим, что когда люди насытились данным им рукою Господней хлебом, то осталось еще немало корзин, полных укорух.

То, о чем сказано здесь в Евангелии, постоянно повторяется и в нашей жизни. Святые люди, искавшие прежде всего Царствия Божия, терпели множество бед, но с голода не умирали. Пропитание, посланное им Богом, бывало скудным, но многого для них и не требовалось.

По мере того как возрастало их духовное насыщение, уменьшались их телесные потребности. Бог конечно не скупился, когда подавал им немного телесной пищи: Он, по своей щедрости, давал им все больше и больше духовных благ.

Но не только святые, а и просто живущие возвышенными интересами люди, например, ученые и служители искусства нередко забывают о многих своих земных потребностях и живут без ропота в скудости. Забывает ли их Господь? Он подает им другие, высшие радости, счастье и творчества и вдохновения, а через труд их одаряет радостью и утешением многих людей.

Вдумываясь в слышанное нами сегодня Евангельское повествование, нельзя не обратить внимания еще на один заключенный в нем глубокий смысл. Об этом не раз писали святые Отцы и другие церковные толкователи.

Чудесное насыщение народа в пустынном месте есть прообраз Евхаристии, Господней Трапезы Любви. Ведь это насыщение было уже трапезой Господней, трапезой любви. Господь Сам, помолившись и возведя взор на небо, преломил хлеб, и его апостолы этот хлеб раздавали; вкушающие же вкушали все совместно. Нельзя сомневаться в том, что они вкушали в единстве духа. Прежде вкушения, Слово Господне, которому они внимали, уже соединило их. Так бывает и так должно быть на божественной литургии.

Но и самый хлеб, как дар божественной любви, передавал вкушающим эту любовь, и они не могли не исполниться чувством глубокого благодарения к давшему им этот хлеб. А благодарение и есть Евхаристия.

Пусть же слышанное нами Евангельское повествование научит и нас быть благодарными и преданными Господу. Он дает нам бесконечно больше, чем этим людям в пустыне. Для них это насыщение было только прообразом того вкушения, которое постоянно предлагает нам Господь.

Как нам не быть благодарными? Но мы, к сожалению, так редко бываем участниками Христовой Трапезы, отклоняем Господне приглашение, очевидно забывая, что и мы в пустыне.

Да, мир, в который мы уходим, уклоняясь от Господней Трапезы, конечно пустыня. Все, чем мы питаемся в этом мире духовно или телесно, все это, в лучшем случае, прообразы истинной пищи, которая есть плоть и кровь воплотившегося Сына Божия и Его божественное Слово.

Поскольку мы понимаем, что земные блага суть лишь прообразы или отражения небесных дарований, они приближают нас к Богу, а поскольку мы принимаем эти блага за единственную истинную пищу, мы идолопоклонствуем, и земные блага, в этом случае, от Бога нас удаляют. Чтобы научиться как должно пользоваться ими, потщимся за все благодарить Бога, за всякий даже малый, как нам кажется, дар.

Так поступая, мы постепенно пойдем, что и тот дар, который нам кажется малым, на самом деле велик, и что даров Божиих гораздо больше, чем мы подозреваем, и, наконец, что всякий дар Божий чудесен.

Когда сердце наше от такого устройства нашей жизни и молитвы переполнится благодарением к Богу, тогда мы неизбежно захотим, если нужно, все отдать Господу из благодарности к Нему. Тогда мы созреем и к истинному и более частому участию в трапезе благодарения — в таинстве Евхаристии.

Да благословить Господь нас идти этим путем благодарения к Богу и к людям.

Свящ. Георгий СЕРИКОВ

О ЦЕРКОВНОМ ПОЛОЖЕНИИ НАШЕЙ АРХИЕПИСКОПИИ (СЛОВО В НЕДЕЛЮ ПО ВОЗДВИЖЕНИИ КРЕСТА)

*“Если кто хочет за Мною пойти,
да отречется от самого себя
и возьмет крест свой
и следует за Мною”.*

~~Исход. 17. 1-11~~ (Мт. XVI, 24).

*“Отдавайте же кесарево кесарю,
а Божие — Богу”.*

(Мт. XXII, 21).

Издавна под «несением креста» понималось принятие человеком всего того, что послано ему Богом, принятие его судьбы, его жизненной участи.

Сегодня я хочу остановиться вниманием на нашем церковном положении, на положении нас, православных русских эмигрантов, на положении нашей архиепископии, потому что это наше положение есть тот, свободно выбранный нами наш религиозный путь, наш исторический крест, который мы призваны самоотверженно нести во славу Божию.

Каков этот наш идеологический церковный крест — крест принятой нами **раздельности** Божьего и кесарева?

По труднейшему вопросу соотношения Божьего и кесарева — скажем более определенно: по вопросу соотношения Церкви и Государства — существует три возможных точки зрения.

1) — Одна точка зрения — назовем ее теократической — разделялась большинством христиан со времени Константина Великого, когда между Церковью и Государством устанавливались дружеские отношения, СИМФОНИЯ. Эта симфония была возможной, когда во главе Государства кесарем был христианин и «Помазанник Божий на Царство».

В константиновскую эпоху православными базилиевсами собирались церковные Вселенские Соборы, строились храмы, монастыри, христианские школы и вообще строилась в странах христианская культура.

О такой симфонии Божьего и Кесарева мечтает одна треть русской православной эмиграции. И может быть, в своей идеальной чистоте, такая симфония и была бы наилучшим разрешением проблемы взаимоотношения двух инородных царств — Божьего и Кесарева.

2) — Однако, время идет, минуют века, наступают существенные социальные перемены в мире. Прежних «священных монархий» уже больше нет. Что же делать Церкви? С атеистическим или антирелигиозным Государством симфонии быть уже не может. Что делать? Ждать реставрации? и сколько лет ее ждать? Ждать десятки, а может быть и сотни лет желанных дружественных взаимоотношений немислимо потому, что жизнь идет скоро, люди рождаются и умирают, нужно жить и религиозно, и нельзя быть бесплодной смоковницей или тем рабом, который завернул в платок свой талант и схоронил его бесприбыльным. Церкви нужно найти какой-то жизненный выход, нужно войти в какие-то отношения с враждебным религии Кесарем, найти «модус вивенди».

3) — Есть еще и третья точка зрения на соотношение Церкви и Государства — точка зрения, которую мы продолжаем разделять в нашей архиепископии.

Несмотря на основательные аргументы теократического и оппортунистического взгляда на соотношение Божьего и Кесарева, нужно сказать, что и в том и в другом случае теряется самое ценное, что имеет человек в жизни — его свобода во Христе. Ибо и гармонизуясь с Государством, и фальшивя и лицемеря пред ним, в обоих случаях Церковь лишается своей свободы, которую даровал нам Христос, и подвергается игу рабства (Гал. V, 1). Не нам ли говорит апостол, что «во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание ни необрезание, но свободная вера, действующая любовью? «Господь есть Дух, а где Дух Господень, там и свобода» (II. Кор. III, 17). И апостол Иаков свидетельствует: «Кто вникает в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем... тот блажен будет в своем действовании» (Иак. I, 25). «Свобода человеческая есть не столько его право, сколько его долг и бремя» (Бердяев). Мы не имеем права сбросить с себя бремя нашей свободы. Свобода христианина есть его крест, и крест, увы, совсем не легкий!

Не имея государственной поддержки, ни «царского ока» (справа или слева), нам надлежит обо всем самим подумать и организовать по-христиански нашу жизнь. На наши слабые плечи

возложено ответственное бремя социальное, педагогическое, культурное и просветительное. Там у нас, на родине, у христиан вырваны языки и руки закованы в цепи! Там людям дано право лишь молиться, крестить, терпеть и ждать, а свободно изучать, строить, учить и благовествовать Слово Божие призваны мы здесь за границей. Подумайте только, как много нам дано! Но мы, безответственные, не дооцениваем наших талантов и подрываем наши силы спорами, о канонах, по ветхозаветному относясь к заповедям, преданиям и учениям человеческим, позабывая, что лишь «единое нам есть на потребу» (Лк. X, 44). В спорах мы доходим до того, что из-за разности юрисдикций мы готовы даже усомниться в возможности евхаристического общения с нашими братьями!

Подумаемте, что может быть это к нам, к христианам всех юрисдикций относятся страшные слова Христа, сказанные Им законникам и фарисеям: «Слепые! Оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!.. Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе!.. Се оставляется вам дом ваш пуст!» (Мт. XXIII, 24... 37, 38)...

...«Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой и по мне грядет!».

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ОЧЕРК ПСИХОЛОГИИ СОВЕТСКОГО АТЕИЗМА*)

Мы не будем сейчас говорить о степени научной и философской обоснованности современного советского атеизма. Это тема совершенно особая. Но на нее весьма неосторожно недавно ответил журнал «Наука и религия» в очерке своего специального корреспондента, Б. Марьянова — «Раздумья на львовской земле» (1). На одном из совещаний атеистов, где обсуждались итоги антирелигиозной деятельности, у одного из присутствовавших вырвалось следующее восклицание:

*) Впервые опубликовано на английском языке в Bulletin Institut for the Study of the USSR. 1966, № 2, Munich.

1) «Наука и религия», № 7, стр. 2.

— Боже мой! До чего же низок коэффициент полезного действия нашей работы. Примерно на уровне «кпд» (2) паровоза.

— Что ты, — ответил другой. Какой паровоз? Еще не изобретено колесо.

Этот ответ свидетельствует о философском, научном и, очевидно, техническом уровне атеистической государственной пропаганды, определяющем ее катастрофический неуспех, ставший сейчас ясным не только адептам советского атеизма, но, пожалуй, и всему миру. И вот здесь следует задать себе вопрос. Не связано ли это «бесколесное» состояние советского атеизма не только с его рациональными основами, но еще и с иными, более глубокими причинами, не всегда заметными на первый взгляд?

Мы считаем, что главной причиной провала современного советского атеизма являются его скрытые не только философские, но психологические основы. При этом мы имеем в виду не официальную философско-материалистическую базу атеизма, о которой можно без труда прочитать в любом советском учебнике на данную тему, а те нигде не высказанные, но фактически существующие философские психологические предпосылки, интуитивно отбрасывающие от безбожия миллионы людей, часто даже полностью не осознающих их.

Современный советский атеизм, в своей наиболее развитой и законченной форме, являет собой своеобразную **квинтэссенцию философии пустоты и одиночества.**

Едва ли нужно много говорить о том, что пустота жизни и одиночества, в обычном житейском понимании этих терминов, являются причинами, ведущими к полной неудовлетворенности человека своей жизнью.

Но мы говорим сейчас не об этой житейской проблеме. Атеизм во главу своей философии кладет **космическую пустоту и космическое одиночество человека и человечества в целом.** Человек в мире остается абсолютно и всегда одиноким и один, лицом к лицу, противостоит загадочно молчашему пустому космосу, проходя из небытия в небытие отрезок в общем бессмысленной жизни. Космическое одиночество и бесконечная пустота, зияющая бездна небытия. Вот единственная реальность, дающаяся человечеству современным атеизмом. Но осмысление подобного рода реальностей невольно настораживает, а часто интуитивно отталкивает от атеизма. Ибо человек не может жить **обесмысленным бытием, а его**

2) Коэффициент полезного действия.

интуиция это тоже реальность, с которой едва ли можно не считаться.

Советские атеисты, в глубине души, отлично ощущают всю глубину своих мертвящих философских и психологических основ. И вот здесь они стараются подставить то «колесо», о котором мы писали в начале нашей статьи.

Насколько им удастся подобная маскировка и отчасти и фальсификация собственной философии мы увидим на ряде примеров, приводимых ниже. И не случайно, а именно в плане возможного осмысления бессмысленного, наполнения пустоты и уничтожения проблемы страшного космического одиночества, затеяла редакция журнала «Наука и религия» своеобразную дискуссию со своими читателями — «Разговор о смысле жизни». Эта дискуссия длилась в течение длительного времени, переходя из номера в номер, иногда исчезая со страниц журнала, появляясь опять, и наконец закончилась в № 7 за 1965 год (3). Посмотрим же, каковы итоги указанной дискуссии? (4) Вот, что пишет редакция журнала, заканчивая дискуссию.

«Нельзя размышлять о смысле человеческой жизни, обходя ее философские проблемы. Недаром их называют «вечными». Они волнуют человека с тех незапамятных времен, когда он впервые задумался над тем, что он есть и зачем он» (5).

Редакция «Науки и религии» отлично понимает о чем она пишет. Она берет в кавычки слово «вечные», ибо вечные проблемы, волнующие мыслящих людей, надо заменить (обязательно заменить!) не вечными суррогатами, выдав их временность и относительность за абсолютность, незыблемость, реальность и нормативность.

Редакция журнала пишет:

«Мы отвергаем существование Бога и загробной жизни. Жизнь человека и всего человечества не имеет никакого заранее данного и не зависящего от людей смысла. Смысл нашей жизни лежит в ней самой, более того, он создается нами. Таковы исходные принципы нашего понимания жизни» (6).

Самоосмысленность этого жизненного отрезка, ограниченного с обеих сторон абсолютным небытием, полное одиночество в огромном и совершенно пустом космосе, самозамкнутость жизнен-

3) «Наука и религия» за 1964 и 1965 гг.

4) «В поисках счастья». «Наука и религия», № 7, 1965 г., стр. 7—11.

5) Там же. Стр. 7.

6) Там же. Стр. 7.

ного процесса и ограниченность его возможного осмысления — вот, собственно говоря, то, что сегодня предлагают человечеству адепты атеизма, вместо религиозного мировоззрения, связующего человека с Отцом миров и, тем самым, со всем космосом.

Редакция журнала провела со своими читателями дискуссию на эти волнующие темы. Надо отметить, что в начале дискуссии некоторая часть читателей высказалась за решение затронутых проблем в чисто религиозном плане. В первой половине дискуссии подобных ответов было больше, но к концу их стало меньше. Видимо, редакция не сочла целесообразным печатать подобного рода письма и предпочла опубликовать ответы, больше подходившие для философии атеизма.

Обратим внимание на эти письма и посмотрим, какие ценности, по мнению атеистов, могут психологически осмыслить духовно-опустошенную человеческую жизнь и наполнить ее содержанием, удовлетворяющим людей. Дадим краткую характеристику тех ценностей, которую предлагает нам философия пустоты.

Они могут быть разбиты на две группы. К первой группе принадлежат люди, повидимому, не отдающие себе отчета во всей сложности философского осмысления жизни. Они как бы плавают по поверхности жизни, ограничив свой кругозор ее естественными пределами и не ощущая ее связи со вселенной. Это как бы наивные эмпирики, не доросшие до более глубокого осознания своей жизненной проблемы.

В чем же они видят смысл и счастье в жизни? Ниже приводятся ценности, выше которых они подняться, видимо, неспособны. Смысл жизни, по их мнению, заключается в следующих ценностях:

труд,	счастливая семейная жизнь,
здоровье,	удачная личная жизнь,
слава,	общественная работа,
почет,	улучшение условий жизни,
известность,	борьба за мир,
деньги,	постоянная борьба и движение вперед,
исполнение желаний,	построение нового общества.
дети,	

Вот приблизительный перечень ответов первой группы, из которых мы привели пятнадцать наиболее характерных. Нетрудно усмотреть их абсолютный примитивизм, ибо, в самом деле, можно ли всерьез принимать, что смысл жизни человека, пришедшего в

мир, заключается в том, чтобы быть здоровым или плодить детей, пользоваться почетом или ходить с набитыми деньгами карманами. Если даже рассмотреть более серьезные жизненные стимулы, как борьба за мир, построение нового общества, постоянная борьба, то и эти ценности оказываются более чем относительными, ибо каков будет смысл человеческой жизни, когда новое общество будет построено, на земле воцарится мир, а что касается борьбы, то она, конечно, может быть перманентной, равно как и движение вперед. Но неужели люди должны жить только для того, чтобы двигаться куда-то вперед, изображая из себя какой-то перпетуум-мобиле? Во всяком случае, никакие философские проблемы подобные ответы не решают. Наивный, слепой, жизненный эмпиризм — вот первая исходная база философии современного атеизма.

Значительно сложнее обстоит дело со второй группой ответов. Тут есть о чем поговорить, ибо указанный перечень прежде всего говорит о более глубоком подходе к проблеме жизни.

И здесь на первое место выдвигаются, прежде всего:

творчество и творческий труд.

Далее идут:

самосовершенствование,	знание,
добро,	красота,
душевное богатство,	любовь, жизнь
самопожертвование,	развитие способностей,
человек с большой буквы,	правильное построение жизни,
	физическое бессмертие.

Приведенный перечень второй группы ответов совершенно ясно уводит нас от проблем физических или душевно-физических — в область вопросов уже духовного порядка. Ведь совершенно ясно, что творчество — несомненное духовное начало почти в любой его форме. Оно соединяет человека с тем большим Творчеством, результатом которого является вселенная. Своим маленьким творчеством человек включается в единый поток того Творческого Начала, которое находится в основе вечно развивающейся вселенной. Нам могут возразить, что можно идти по пути своего рода «деструктивного» творчества, что находится в противоречии с тем, что мы говорим. Указанное верно, но говорит лишь о том, что в мире имеется и отрицательное — «темное» творчество, что, вообще говоря, хорошо известно.

Здесь важно другое. Если внимательно просмотреть приведенный список второй группы, то мы увидим, что все, положен-

ное в основу смысла жизни, оказывается, по сути дела, духовно-положительными ценностями. Даже последнее — физическое бессмертие — несет с собой протест против атеистической мелкой ограниченности и ведет переключку с теми мотивами, которые так ярко были выражены Б. Пастернаком в его «Докторе Живаго».

Сторонники космического одиночества и ограниченного во времени материального бытия не возражают против приведенных принципов, выдвинутых читателями. Но они, видимо, не понимают, что почти все эти духовные ценности, при глубоком их анализе, не оставляют нас только на земле, но и выводят за пределы ее, устанавливая подлинно космические духовные связи. Возьмем любое. Вот, например, выдвинут принцип красоты как основы жизни. Красота — какая? Физическая, душевная, духовная? Человека, природы, духовных ценностей? Очевидно процесс познания красоты развивается постепенно. И от природы, красоты полотен великих мастеров живописи, человек переходит к пониманию и оценке красоты душевной, а дальше идет к познанию красоты духовной, находящей свою законченность в Боге.

Такие моменты как добро, самопожертвование, человек с большой буквы, при их глубоком анализе, вплотную подводят нас к ряду духовных ценностей, при последовательном их познании, приводящих нас к познанию Духовного Центра вселенной. Такова их подлинная реальность.

Но почему люди, выросшие в СССР и воспитанные в философском отношении на чисто материалистических началах, убежденные в том, что духовная жизнь человека является лишь функцией высокоорганизованной материи и производной от нее, интересуются не основным, а вторичным, возводя это «вторичное» на первое место среди своих земных интересов? Происходит указанное потому, что, вопреки заученной и внешне стройно препарированной материалистической теории, может быть, даже логически воспринимаемой умом, человек интуитивно чувствует **то главное, что делает его человеком «с большой буквы», а это главное, первичное, заключается именно в этом «вторичном».** Более того, люди интуитивно чувствуют, что именно «вторичное» соединяет людей со всем космосом, не оставляя их одинокими в этом безграничном мире. И именно поэтому многим людям гораздо больше осмысливает жизнь и соединяет их со всей вселенной мерцающий огонек лампы перед иконой, чем самые умные и «передовые» рассуждения о смысле жизни современных советских атеистов.

(Продолжение следует)

М. Н. ЭНДЕН

ТВОРЧЕСКАЯ СУДЬБА ДВУХ НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТОВ (ШОЛОХОВ — ПАСТЕРНАК)

Давно уже улеглись страсти, разбушевавшиеся в свое время вокруг имени Б. Л. Пастернака. Утих и шум, возбужденный прошлой осенью присуждением Шведской Академией премии М. А. Шолохову. Настало, кажется, время, когда можно рассуждать об этих событиях с необходимым спокойствием. И прежде всего задуматься о творческих судьбах обоих Нобелевских лауреатов.

Перед нами любопытное и психологическое и литературное явление: два крупных русских писателя, люди, несомненно, искренние, страстно любящие свою Родину, объединенные в первый период их литературной работы приятием, хотя и не в одинаковой степени, Октябрьской революции и даже своей арелигиозностью (как мы увидим, в отношении Пастернака это последнее утверждение требует некоторых оговорок), оказались в конце концов на полярно противоположных позициях. Основным мотивом творчества Пастернака всегда была жизнь в ее многообразных проявлениях. И через познание жизни он пришел к Богу. Для Шолохова ни Бог, ни мир духовных явлений никогда не существовали. Различие их внутреннего опыта отразилось на их судьбах. Для одного он оказался стимулом перерождения и причиной творческого обогащения, для другого — явственным поводом его творческого оскудения.

Когда говоришь о Шолохове, нельзя упускать из вида основных данных его биографии. Родился он в 1905 году (мать — неграмотная крестьянка, отец — управляющий мельницей); не окончил и среднего образования. В пятнадцать лет — пулеметчик в отряде «ревкома», реквизирующего хлеб у зажиточных крестьян. В семнадцать, после неудачной попытки поступить на «рабфак» — чернорабочий в Москве. Много читает. В 1923 году (18 лет) видит напечатанным в «Юношеской правде» свое первое произведение; там же появились затем несколько его рассказов. В 1926 году начинает работать над «Тихим Доном», две первых книги которого увидели свет, когда ему было 23 года в 1928 г.). Приняв во внимание все только что сказанное, нельзя не признать, вместе с советским биографом Шолохова, что создание этого романа было настоящим подвигом. Непредубежденного читателя поражает

прежде всего способность автора творчески воссоздать образ эпохи, личных сознательных впечатлений о которой у него не могло быть (предвоенный период, война 1914 г., революционные события лета 1917 г.). Конечно, здесь наличествуют случаи превратного представления о психологии среды ему чуждой, некоторые фактические ошибки, но, в общем, — это честная попытка нарисовать грандиозную картину первых лет революции.

В этом отношении кажется несправедливым считать Шолохова лишь областным писателем. Смотря на мир глазами знакомого ему с детства донского казачества, он освещает события всероссийского масштаба и, поскольку они стали отправным пунктом новой эпохи и истории человечества, произведение его, несомненно, талантливое и красочное, приобретает всеобщее значение.

Следует подчеркнуть стремление Шолохова, в этом первом своем крупном литературном труде, к объективности в отношении враждебного ему лагеря. Надо отметить также его напряженную работу над стилем. В его лице перед нами действительно одобренный «певец русской земли», заставляющий своего читателя, почти физически, ощущать красоту русской природы. Вот несколько отрывков из «Тихого Дона» (Моск., изд. 1953 г.), наиболее ярко свидетельствующих об этой стороне его творчества:

Прежде всего о зиме (кн. 3, стр. 129): «Казакует по родимой степи восточный ветер. Лога позанесло снегом. Падины и яры сравняло. Нет ни дорог, ни тропок. Кругом, наперекрест, прилизанная ветрами, белая голая равнина. Будто мертва степь. Изредка пролетит в вышине ворон, древний, как эта степь, как курган над летником в снежной шапке с бобровой княжеской опушкой чернобыла. Пролетит ворон, со свистом разрубая крыльями воздух, роняя горловой стонущий клекот. Ветром далеко пронесет его крик, и долго и грустно будет звучать он над степью, как ночью в тишине нечаянно тронутая басовая струна».

Затем о весне (кн. 4, стр. 384): «Шла весна. Сильнее пригревало солнце. На южных склонах бугров потаял снег, и рыжая от прошлогодней травы земля в полдень уже покрывалась прозрачной сиреневой дымкой испарений. На сугревах, на курганах, из под вросших в суглинок самородных камней показались первые, яркозеленые острые ростки травы медвянки. Обнажилась зябь. С брошенных зимних дорог грачи перекочевали на гумна, на затопленную талой водой озимь. В логах и балках снег лежал синий, доверху налитый влагой; оттуда все еще сурово веяло холодом, но уже тонко и певуче звенели в ярах под снегом невидимые глазу

вешние ручейки, и совсем по-весеннему, чуть приметно и нежно зазеленели в перелесках стволы тополей».

О лете (после грозы) он пишет (кн. 4, стр. 138—139): «Омытая ливнем степь дивно зеленела. От дальнего пруда до самого Дона перекинулась горбатая яркая радуга. Немо погромыхивал на западе гром. В яру с орлиным клекотом мчалась мутная нагорная вода. Вниз, к Дону, по косогору, по бахчам стремились вспенившиеся ручьи. Они несли порезанные дождем листья, вымытые из почвы корневища трав, сломленные ржаные колосья. По бахчам, заваливая арбузные и дынные плети, расплзались жирные песчаные наносы; вдоль по летникам, глубоко промывая колеи, стекала взыгравшая вода. У отножины дальнего буерака догорал подожженный молнией стог сена. Высоко поднимался лиловый столб дыма, почти касаясь верхушкой распростертой по небу радуги».

О том же лете, но в более позднюю пору (кн. 1, стр. 225): «Над степью — желтый солнечный зной. Желтой пылью дымятся нескошенные вызревшие заливы пшеницы. К частям косилки не прикоснуться рукой. Вверх не поднять головы. Иссиня-желтая наволока неба накалена жаром. Там, где кончается пшеница, — шафранная цветень донника. Хутор перекочевал в степь. Косили рожь...».

Наконец, образ осени (кн. 2, стр. 51): «По небу, изморщенному седой облачной рябью, колесило осеннее солнце. Там, вверху, тихий ветерок лишь слегка подталкивал тучи, сплавляя их на запад, а над хутором Татарским, над темнозеленой равниной Дона, над голыми лесами, бил он мощными струями, гнул вершины верб и тополей, взрыхлял Дон, гнал по улицам табуны рыжих листьев. На Христинином гумне взлохматился плохо свершенный скирд пшеничной соломы, ветер, вгрызаясь, подрыл ему вершину, свалил тонкую жердь и вдруг, подхватив золотое беремя соломы, как на навильнике понес его над базом, завертел над улицей и, щедро посыпав пустую дорогу, кинул ошестиненный ворох на крышу куреня...».

Трудно отказать автору и в таланте и в любви к родным местам, которой дышит каждое приведенное выше его слово. Последняя книга «Т. Д.» была закончена, когда Шолохову исполнилось лишь 35 лет. Все, казалось, сулило ему блестящую литературную будущность. Как же действительность оправдала эти надежды?

Уже с изданием его первого романа у Шолохова были затруднения. Его первые две книги ему удалось опубликовать в их пер-

воначальной версии. Сталин дал им «высокую оценку», отметив, однако, «некоторые существенные ошибки в освещении отдельных лиц, действовавших в гражданской войне». «Ошибки» эти были исправлены в последующих изданиях, но вмешательство высшей партийной власти в его литературную работу послужило, как можно полагать, поводом к некоторому замедлению в ее продолжении. С 1931 года, не оставляя своего первого романа («Т. Д.» писался им до 1940 г.), Шолохов приступает к работе над «Поднятой целиной». Она уже носит совсем иной характер. Несмотря на некоторые успехи в стилистическом отношении и кажущуюся бесстрастность в описании событий, подлинной беспристрастности мы в ней не находим. Враждебные большевизму слои деревни представлены уже как движимые лишь голым эгоизмом, отмечены одной циничной беспринципностью. Все же касающееся «своих» отличается, наоборот, тем, что на советском литературном языке именуется «лакировкой». И это в ущерб самой элементарной жизненной правде.

Но и в таком виде «Поднятая целина» встречает препятствия к опубликованию. Журнал «Новый Мир» возвращает в 1936 г. автору ее вторую часть. Отдельные ее главы появятся в печати лишь 20 лет спустя (1955), а целиком она выйдет лишь через 23 года (1959 г.)!

Можно ли поверить, что такой перерыв есть лишь следствие авторского стремления к совершенству? По-видимому, помимо чисто внешних препятствий, мы имеем дело с чем-то другим: внутренним конфликтом между долгом художника и долгом партийца, мешающим писателю продолжать свою нормальную работу и отражающимся на его творческих возможностях.

Действительно, с 1932 г. Шолохов — член коммунистической партии. Все, что мы знаем о нем, позволяет думать, что, не в пример многим своим сотоварищам по перу, он абсолютно искренен в изъятии своего коммунистического мировоззрения. Это и делает особенно интересным пример, который мы имеем в его лице. Ему принадлежит известное определение «партийности», сделанное на II Всесоюзном Съезде Советских Писателей в 1954 г. и вошедшее с тех пор в официальную фразеологию о задачах советской литературы.

«Каждый из нас, — сказал он тогда, пишет по указке своего сердца, а сердце наше принадлежит партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

Партию, между прочим, Шолохов никогда не отделяет от народа. Поэтому-то с таким негодованием и такой страстностью он констатирует печальные результаты служения им обоим. На том же съезде он назвал настоящим бедствием «серый поток бесцветной, посредственной литературы, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок». К этому же грустному факту он вернулся в своей речи на XX съезде КПСС, в 1956 г., констатируя, что «нет (...), за последнее время, таких книг, которые завоевали бы сердца и любовь широчайших читателей масс». Ему как будто невдомек, что трудно ожидать чего-либо иного в атмосфере партийной указки и непрекращающегося давления власти на умственную жизнь стран. Он видит единственный выход из положения в обращении к той же партии. Чем как не мистической верой в сверхестественную силу партийного руководства можно объяснить следующие патетические слова, которыми он закончил свою речь на XX съезде: «Родная партия! У тебя могучий и светлый коллективный разум и материнские руки, умеющие быть и суровыми и нежными. Ты найдешь необходимую форму помощи своим писателям!».

Увы! С тех пор прошло десять лет, а советская литература находится все в том же беспомощном положении. Может быть, проанализировав свое собственное состояние, Шолохов понял бы, в чем кроется причина этого бессилия. Ярко и красочно можно говорить только о правде. И не случаен тот факт, что за последние годы сам Шолохов обретает вновь всю полноту своих творческих сил лишь тогда, когда он берется за темы патриотического характера («Судьба человека», «Они сражались за родину»). Но в оценке своей собственной участи людям более чем когда-либо свойственно ослепление. «Если бы спросили мое личное мнение, заявил в марте 1965 г., открывая II съезд писателей Р.С.Ф.С.Р., автор «Тихого Дона», то я сказал бы, что проблема интеллигенции решается у нас довольно-таки просто: Будь верным солдатом Ленинской партии (...), отдавай всего себя (...) народу, вот и вся проблема». Его собственная творческая судьба показывает, однако, что дело далеко не так просто, как это ему кажется.

Культурная среда, окружавшая в детстве Пастернака, резко отличается от атмосферы, в которой вырос Шолохов. Родился он в 1890 г. Отец его был известным художником, мать — пианисткой. В 13-летнем возрасте он начинает серьезно заниматься музыкой; оставляет ее, однако, через 6 лет, убедившись, что у него нет «абсолютного слуха». Его вторым увлечением была фило-

софия. Ей он посвятил период 1909—1912 гг., сначала на историко-филологическом факультете Моск. Университета, затем, в течение одного семестра, в университете в Марбурге. С 1913 г. он всецело отдается поэзии.

Искусство Пастернак понимает как орган восприятия жизни, но восприятия своеобразного: сквозь призму чувства. Печататься начинает еще до революции. Известность ему принесло появление в 1922 г. его книги «Сестра моя — жизнь». Его лирика первого периода (10-е и 20-е годы) отличается сложностью, вычурностью и метафизичностью своего языка, изобилующего заимствованиями из разговорной речи! (На ней сказывается влияние футуризма, к одной из умеренных групп которого он принадлежал в молодости). Характерным образчиком ее могут служить строки одноименного с его книгой стихотворения:

«Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе
Расшиблась весенним дождем обо всех,
Но люди в брелоках высоко брюзгливы
И вежливо жалят, как змеи в овсе».

Об этом стиле, свойственном ему и в других произведениях 20-х годов, сам поэт отзывается впоследствии с заслуженной суровостью. «Все это, — писал он в 1959 г. немецкой поэтессе Ренате Швейцер, — носит печать прискорбного для всех нас (скажем для краткости) экспрессионистского времени, распада форм, нестойкой, выброшенной на произвол неполного понимания, тематики, слабости и опустошенности содержания». Той «естественности» и «неслыханной простоты», о которой он мечтал еще в начале 30-х годов (см. стихотворение «Волны»), ему удалось достигнуть лишь под конец жизни, когда некоторые из его стихотворений, включенных в роман «Доктор Живаго», стали образчиком почти что евангельской простоты и оттого-то звучат с такой исключительной силой. Но прежде Пастернаку надо еще пройти довольно долгий путь. В середине 20-х годов он отдается историческим темам (поэмы «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт» и др.). Для этого периода его творчества характерно увлечение пафосом революции, наилучшие представления о котором мы найдем, пожалуй, в образе Ленина, в заключительной части поэмы «Высокая болезнь» (1924 г.), где говорится о IX съезде советов:

«Он был — как выпад на рапире,
гонясь за высказанным вслед».

И далее:

«И эта голая картавость
Отчитывалась вслух во всем,
Что кровью болей начерталось.
Он был их звуковым лицом.
Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому страной».

(Насколько вдумчиво поэт относился к своим писаниям, можно судить по тому, что эти же мысли о Ленине он приписывает Антипову-Стрельникову, одному из действующих лиц «Доктора Живаго» (изд. карм. формата, Т. 2, стр. 535). Но здесь в прежнюю характеристику вносится и нечто новое, существенно ее изменяющее. О Ленине теперь говорится, как об олицетворенном «возмездии за все содеянное», и рядом с ним упоминается об искупительной, по отношению ко всему человечеству, роли России).

Пастернаку первой эпохи совсем несвойственно религиозное чувство. Судя по одному его стихотворению («Рассвет»), можно полагать, что когда-то в молодости он был верующим. Но в периоде между двумя мировыми войнами мы не встречаем никаких намеков на его личную веру. Напротив, мы находим в его произведениях выражение не только его полной отчужденности от Церкви («Болезнь», 1923 г.), но иногда и не лишнюю налета кощунственности иронию по отношению к Богу («Мейерхольдам», 1929 год). Нужно дождаться войны 1941—1945 гг., чтобы убедиться в перевороте, происшедшем в его мирозерцании.

После нескольких предвоенных лет, посвященных работам над переводами (главным образом, произведений западной классики), с начала войны Пастернак вновь возвращается к чистой поэзии. Он участвует в поездках писателей на фронт, сотрудничает в военных сборниках. Здесь в его стихах впервые появляются религиозные образы («Ожившая фреска», 1944 г.). Более того, в некоторых из них он говорит о чуде словами верующего («Разведчики», 1944).

В поэтических произведениях, включенных в роман «Доктор Живаго» (1946—1953), мы находим уже целый ряд стихотворений чисто религиозного содержания (все они отсутствуют в последнем, наиболее полном, советском сборнике стихов и поэм Пастернака).

нака, вышедшем летом 1965 г., где существует однако отдел: «цикл стихов из романа»). Тут перед нами Пастернак, перерожденный и обретший наконец естественность и простоту, к которым он стремился всю жизнь. И вместе с ними, скажем мы, удивительную силу впечатления, производимого на читателя. Поэт познал наконец значение для человека его отношения к Богу. Он почувствовал, какое центральное место в истории человечества занимает Боговоплощение — источник любви, правды и всего прекрасного в мире. Недаром читаем мы в «Рождественской звезде» следующие строки:

«И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все, пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы...»

Но не одно лишь поэтическое творчество Пастернака ценно в его литературном наследстве. Та исключительная важность, которую он придавал своему роману, считая его завершением дела своей жизни, заставляет нас обратить на него особенное внимание.

Переменчивое отношение Западной критики к «Доктору Живаго» и его автору позволяет думать, что Запад был увлечен главным образом литературно-политическим скандалом, возбужденным им в 1958 году. Надо отвлечься от этой болезненной атмосферы, чтобы оценить по существу это произведение. Местами оно несовершенно в литературном отношении. Обрисовка некоторых выведенных типов, подчас, неясна и расплывчата. Моральная значимость их иногда сомнительна. Но «Доктор Живаго» дает потрясающее освещение эпохи, того хаоса, который овладел Россией. В нем, впервые за историю советской литературы, слышен голос сострадания к человеку как таковому, безотносительно от того, друг он или враг. И, наконец, в нем мы находим историософскую оценку революции. Этого-то как раз и не могли простить Пастернаку ни власть, ни слепо следующие за нею. Не забудем, что, возвращая ему в 1956 г. его рукопись, редакционная коллегия «Нового Мира» писала: «Пафос Вашего романа — пафос утверждения, что Октябрьская революция, гражданская война и связанные с ними последующие социальные перемены не принесли народу ничего, кроме страданий, а русскую интеллигенцию уничтожили или физически или морально (...), что Октябрьская социа-

листическая революция не только не имела положительного значения в истории нашего народа и человечества, но наоборот, не принесла ничего, кроме зла и несчастья».

Как же выражены эти мысли в романе? Если расположить в логическом и связном порядке отдельные высказывания его героев (Лара, Живаго, Дудоров), соответствовавшие — как мы это узнали из его аналогичных заявлений, опубликованных частью при его жизни, частью после его смерти — собственным взглядам Пастернака, мы прочтем следующее:

«Объявили войну (1914 г. м. 7) (...). Она была виною всего, всех последовавших, донныне постигающих наше поколение несчастий (...). Я хорошо помню (...) время, когда были в силе понятия мирного предшествующего века. Принято было доверяться голосу разума. То, что подсказывала совесть, считали естественным и нужным. Смерть человека от руки другого была редкостью, чрезвычайным, из ряда вон выходящим явлением. Убийства, как полагали, встречались только в трагедиях, романах из мира сыщиков и в газетных дневниках происшествий, но не в обыкновенной жизни. И вдруг этот скачок из безмятежной, невинной размеренности в кровь и вопли, повальное безумие, одичание каждодневного и ежечасного, узаконенного и восхваляемого смертоубийства (...). Тогда пришла неправда на Русскую Землю. Главной бедой, корнем будущего зла была утрата веры в цену собственного мнения. Вообразили, что время, когда следовали внушениям нравственного чутья, миновало, что теперь надо петь с общего голоса и жить чужими всем навязанными представлениями (т. 2, стр. 468—469). Но на поверку оказывается, что под мыслями разумеется одна их видимость, словесный гарнир к возвеличению революции и властей предержавших (...) (стр. 472). «Марксизм и наука?» (...). Марксизм слишком плохо владеет собой, чтобы быть наукой. Науки бывают уравновешеннее. Марксизм и объективность? Я не знаю течения, более обособившегося в себе и далекого от фактов, чем марксизм; каждый озабочен проверкою себя на опыте, а люди власти ради басни о собственной непогрешимости всеми силами отворачиваются от правды (...) (стр. 304).

Я был настроен очень революционно, а теперь думаю, что насильственностью ничего не возьмешь. К добру надо привлекать добром (стр. 307) (...). Во-первых, идеи общего совершенствования так, как они стали пониматься с Октября, меня не воспламеняют. Во-вторых, это все еще далеко от осуществления, а за

одни еще толки об этом заплачено такими морями крови, что, пожалуй, цель не оправдывает средства. В-третьих, и это главное, когда я слышу о переделке жизни, я теряю власть над собой и впадаю в отчаяние (стр. 395).

Какое забвение своих собственных предназначений и мероприятий, давно не оставивших в жизни камня на камне. Кем надо быть, чтобы с таким неостывающим горячешным жаром бредить из года в год на несуществующие, давно прекратившиеся темы, и ничего не знать, ничего кругом не видеть! (стр. 443).

...Всему есть мера. За это время пора было прийти к чему-нибудь. А выяснилось, что для вдохновителей революции суматоха перемен и переустановок единственная родная стихия, что их хлебом не корми, а подай им что-нибудь в масштабе земного шара (...). Ничему другому они не учились, ничего не умеют. А вы знаете, откуда суэта этих вечных приготовлений? От отсутствия определенных готовых способностей, от неодаренности. Человек рождается жить, а не готовиться к жизни. И сама жизнь, явление жизни, дар жизни так захватывающе нешуточны! Так зачем подменять их ребяческой арлекинадой незрелых выдумок (...)? (стр. 348).

Я думаю, коллективизация была ложной, неудавшейся мерою, и в ошибке нельзя было признаться. Чтобы скрыть неудачу, надо было всеми средствами устрашения отучить людей судить и думать и принудить их видеть несуществующее и доказывать обратное очевидности.

Отсюда беспримерная жестокость ежовщины, обнаружение не рассчитанной на применение конституции, введение выборов, не основанных на выборном начале.

И когда разгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы. Люди не только (...) на каторге, но все решительно, в тылу и на фронте, вздохнули свободнее, всею грудью, и упоенно, с чувством истинного счастья бросились в горнило грозной борьбы, смертельной и спасительной (стр. 586—587).

...Извлеченная из бедствий закалка характеров, неизбалованность, героизм, готовность к крупному, отчаянному, небывалому. Это качества сказочные, ошеломляющие, и они составляют нравственный цвет поколения» (стр. 587).

Протопресвитер Виктор Юрьев

4.IX.1893—6.VIII.1966

ПРОТОПРЕСВИТЕР ВИКТОР ЮРЬЕВ*)

В субботу утром 6 августа с. г., в госпитале города Куломье (Сена-и-Марна) волею Божией тихо скончался на семьдесят третьем году жизни, один из самых достойных священников, которых русская эмиграция дала Русской Церкви в изгнании — протопресвитер Виктор Юрьев.

Постепенно уходит от нас старшее поколение эмиграции и с ним старшее поколение священников, получивших свое среднее, а иногда и высшее образование (духовное или гражданское) в России. Они хорошо знали правила и традиции Русской Церкви и были живым воплощением того лучшего, что было у нас до революции в жизни нашей родины. О. Виктор был одним из таких священников. Доблестный и достойный офицер русской армии, он в изгнании не захотел жить только для себя в ожидании освобождения России. Он избрал новый путь служения ей — через служение ее Православной Церкви и подрастающему поколению русской молодежи, ибо он верил, что возрождение освобожденной России может совершиться только через Русскую Православную Церковь.

О. Виктор был скромным человеком. О себе он редко говорил. К счастью, в церковном архиве сохранилась Клировая Ведомость, в которой рукою самого о. Виктора была изложена краткая его биография.

О. Виктор родился 4 сентября 1893 года во Владимире-Вольском. Он происходил из военной семьи, окончил с отличием полный курс 1-го Московского кадетского корпуса и полный курс Михайловского артиллерийского училища; начал военную службу на Кавказе в 1913 году. В 1916 году был назначен командиром батареи. Участвовал в Великой Войне 1914—1918 г. и в Гражданской войне в рядах Белой Армии. Отбыл «Галлиполийское сидение». Был награжден военными орденами до ордена Св. Князя Владимира включительно.

В Гражданскую войну о. Виктор в чине полковника командовал бронепоездом «Вперед на Родину». Многие из его соратников говорили, что он уже и тогда, будучи замечательным боевым офицером, отличался от всех своим поведением, сдержанно-

*) Церковный Вестник Православной Архиепископии Франции и Западной Европы и Русских Западно-Европейских Церквей Рассеяния, № 5.

стью в словах и религиозностью. Оказавшись во Франции, о. Виктор начал свой эмигрантский путь рабочим, сначала на заводах в Крезе, потом в Кнютанже. В это же время произошло его знакомство с Русским Студенческим Христианским Движением, сыгравшее в его жизни решающую роль. Он участвует в нескольких съездах Движения и в 1929 году поступает, как стипендиат Кнютанжского Прихода, в Православный Богословский Институт в Париже с твердой целью стать священником. В Институте о. Виктор принимает деятельное участие в Сергиевском Братстве и в издании «Сергиевских Листков». В ноябре 1931 года он вступает в брак с Инной Константиновной Краевич. В апреле 1932 года, еще будучи студентом Богословского Института, он уже рукоположен Митрополитом Евлогием во иереи и приписан сверх шта-та к храму Сергиевского Подворья. По окончании Богословского Института, в августе 1933 года он назначается настоятелем одного из главных приходов Парижа, а именно походной церкви Союза Галлиполийцев. Когда в мае 1939 года церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы, вследствие отъезда на Валаам протоиерея Сергия Четверикова, осталась без настоятеля, Владыка Евлогий назначил настоятелем о. Виктора, никогда не прерывавшего деятельного участия в работе Движения.

В о. Викторе чувство долга, наследие его офицерского звания, сочеталось с глубокой преданностью и любовью к Православной Церкви. И эти качества выражались у о. Виктора в неустанной, сердечной и жертвенной заботе о своем приходе и своих прихожанах. Всех он знал, о всех он помнил, живых и усопших, все были записаны в его толстом помяннике. Чтение этого помянника у него занимало около часа. По воскресеньям и большим праздникам о. Виктор приходил в церковь в 7 ч. 30 м. утра для того, чтобы все приготовить для литургии, совершить проскомидию и спокойно прочитать сначала заранее поданные помянники прихожан, а потом и свой помянник. Сколько человек он обвенчал, сколько детей окрестил, сколько людей похоронил о. Виктор за свое тридцатичетырехлетнее священническое служение? А сколько детей прошло за эти годы через четверговую школу Р.С.Х.Д., которую он прекрасно вел с помощью своих сотрудников? Особенное внимание и любовь о. Виктор оказывал больным, и не только своего прихода. Только тяжелая болезнь ног заставила его отказаться от регулярного посещения соседних с приходом госпиталей.

В Введенской церкви почти всегда были приписные священники, которые по его же настоянию не только имели свой день

на неделе, когда они служили литургию, но и служили «свои» требы и исповедывали не только своих духовных чад, но и прихожан. И все это только искренне радовало о. Виктора. В течение почти 19 лет он сотрудничал и жил душа в душу с приписанным к Введенской церкви о. Василием Зеньковским, вдохновенным проповедником и духовником, деканом и профессором Богословского Института и председателем Р.С.Х.Д. Дружба этих двух замечательных пастырей, их взаимная любовь, понимание и уважение друг к другу навсегда останутся вдохновляющим примером для всех знавших их.

О. Виктор был очень добрым человеком, он глубоко верил в человека и отличался почти детским доверием и никогда не отказывал обращающимся к нему за материальной помощью, будь это русские, или французы, знакомые или незнакомые. Каждый день целая вереница просителей, среди которых большинство были настоящие «клошары», тянулась через церковный двор к его дверям за подаванием.

О. Виктор получил все награды доступные белому духовенству и несколько грамот с Архипастырским благословением правящих архиереев. Он также занимал высшие административные должности в нашей Епархии. Так он был благочинным парижского района, членом Епархиального Совета, потом и его Председателем, членом Канонической комиссии и бессменным председателем Учебно-Просветительного Епархиального Комитета. Болезнь его матушки Инны Константиновны, а потом и его собственные недомогания заставили его постепенно отказаться от этих должностей.

О. Виктор очень глубоко чувствовал соборную природу Православной Церкви и старался в жизни воплощать ее. Он любил торжественные епископские службы, потому что они выражали красоту Православной Церкви и потому что для него епископ был отцом своей епархии, без которого не могло быть полноты церковной жизни. О. Виктор глубоко почитал всякого епископа и был верным и послушным иереем своего Правящего Архиерея. Он любил и священническое сослужение, также выражавшее эту соборную природу Церкви. Он старался участвовать в храмовых праздниках парижских церквей; для него другие приходы не были «чужими», но были «братскими приходами», частью Соборной и Апостольской Церкви Христовой. В своем приходе он строго старался жить по уставу Московского Собора 1917 года, принятому и нашей Епархией. Для о. Виктора Московский Собор 1917 года

и его устав были вдохновенным выражением столь дорогой ему Соборной природы Православной Церкви. Поэтому у о. Виктора никогда не было особых трудностей ни с церковным старостой, ни с приходским советом. Он честно и искренне соблюдал права старосты и приходского совета, но так же твердо охранял права настоятеля.

О. Виктор очень любил церковные службы, торжественные и будничные, с молящимися или в пустой церкви, и Господь посылал ему псаломщиков, которые так же любили церковные службы. Он мог служить каждый день. В этом он был похож на первого настоятеля Введенской Церкви протоиерея (в конце жизни иеросхимонаха) Сергия Четверикова, которого он очень почитал и старательно продолжал традиции о. Сергия и в частности регулярные службы в будничные дни недели. Эту традицию о. Сергия он поддерживал не только для того, чтобы дать возможность прихожанам помолиться в церкви помимо субботы и воскресенья, но главным образом потому, что он глубоко чувствовал призвание и обязанность священника молиться «за всех и за вся». Обладая прекрасным слухом и верным голосом, о. Виктор придавал службам особую торжественность, которую очень ценили молящиеся его прихода. Он так же молитвенно совершал требы и находил слова утешения и поддержки для людей, потерявших своих близких. В 1963 году о. Виктор совершил паломничество на Святую Землю и глубоко его пережил.

На долю о. Виктора пришелся очень тяжелый крест болезней, сначала его матушки, умершей накануне нашего Сочельника 5 января 1962 года, а также его собственных, начавших сильно его мучить с 1958 года. Крест свой он нес с кротостью и терпением и если и обращался к врачам, то только потому, что не мог себе представить, как можно жить и не служить Божественную Литургию, жить и не заботиться о своем приходе. Но неумолимая эволюция его болезней привела его в такое состояние, когда он уже не мог ни заботиться о приходе, ни служить один литургию. С трудом и только с помощью Владыки Георгия удалось уговорить его, под видом продолжительного отдыха, поступить в старческий дом Аньерского Прихода в Розэ-ан-Бри. Спасибо Владыке Мефодию, сразу же приютившему нашего больного настоятеля. Дорогой наш о. Виктор не понимал своего состояния, и слава Богу за это. Всеми силами своей души он мечтал о возвращении в свой приход к святому престолу, у которого он предстоятельствовавал двадцать семь лет. На Фомино Воскресенье его привезли в Париж похри-

стосоваться со своими прихожанами, и он служил со слезами, окруженный тремя священниками, свою последнюю Божественную Литургию. За десять дней до своей смерти, когда его увозили в госпиталь, он, который почти уже не мог стоять на ногах, говорил все о том, как он, поправившись, вернется «к себе домой». Милостивый Господь приготовил ему лучшее: Он призвал в обитель Отчего Дома Своего верного раба, потрудившегося для Него в разном звании всю свою жизнь. (Ио. 14, 1—3).

А. В. МОРОЗОВ

ВЫШЕЛ СЕЯТЕЛЬ СЕЯТЬ...

(ПАМЯТИ ОТЦА ВИКТОРА ЮРЬЕВА)

В 1932 году Митрополит Евлогий, как мудрый сеятель, бросил в землю хорошие семена, совершив несколько иерейских рукоположений. В числе рукоположенных во время Великого Поста был студент старшего курса Свято-Сергиевской Духовной Академии Виктор Андреевич Юрьев. Назначенный вначале священником Сергиевского Братства, иерей Виктор получает осенью 1933 года назначение на пост настоятеля храма имени преп. Сергия при Союзе Галлиполийцев.

Военное прошлое о. Виктора, казалось, направляло его на то, чтобы остаться священником в среде, с которой он был связан своим воспитанием и образованием в 1-м Московском Кадетском Корпусе и Михайловском Артиллерийском Училище и своим участием в первой мировой и гражданской войнах. Его встреча с Р.С.Х. Движением и участие в съезде 1929 года, предопределившие его поступление в высшую духовную школу Зарубежья, направили его на иной путь, а именно на тот путь общественно-церковного служения, которому отдает свои силы Русское Студенческое Христианское Движение.

В том же 1932 году мы находим о. Виктора на посту духовного руководителя лагеря Движения для мальчиков в La Napoule; он же проведет лагеря 1933 и 1934 года, тоже в La Napoule, за которыми последуют три лагеря 1935, 1936 и 1937 гг. в Saval-laire, в 1938 году — лагерь в Saint-Cézaire, наконец, в 1939 году под его руководством проходит лагерь на новом месте в Saint-Théoffrey.

В том же 1939 году, после того как о. Сергей Четвериков, основатель и первый настоятель Введенской церкви, принял решение уйти в монастырь и принять схиму, перед Движением встал вопрос о его заместителе. Центральный орган Движения и Церковный Совет, по обсуждении двух имевшихся кандидатур, остановили свой выбор на о. Викторе, который и был назначен настоятелем храма Движения указом Митрополита Евлогия от 20 мая 1939 года.

О. Виктору было, однако, суждено вступить в исполнение своих новых обязанностей только с осени 1940 года. Начавшаяся в сентябре 1939 г. вторая мировая война и последовавшее за мобилизацией удаление детских колоний и лагерей в отдаленные от фронта провинции, вызвали отъезд в г. г. По и Кларак целого ряда деятелей Движения и в их числе о. Виктора.

По возвращении осенью 1940 года в Париж, оккупированный немецкими войсками, о. Виктор оказался поставленным перед задачей продолжить дело о. Сергия, священника с долгим опытом священнослужения и духовного руководства не только взрослых, но и детей; с последними он был связан за время долгого пребывания в должности законоучителя в кадетских корпусах в России и в Зарубежье. У богомольцев Введенской церкви было свежо воспоминание не только об о. Сергии, но также и о тех священниках, которые заменяли его во время частых отлучек, вызванных поездками в различные центры Движения. Среди таких временных заместителей о. Сергия мы находим о. Г. Флоровского, о. Л. Липеровского, о. Д. Клепинина — священников, имевших дар слова и проникновенного служения.

С приходом о. Виктора, в жизни храма наступила некая «стабилизация», выразившаяся в том, что новый настоятель пребывал неотлучно при храме, никогда не уезжая. Это постоянное присутствие настоятеля способствовало укреплению связи между ним и постоянными посетителями храма, среди которых были члены Движения и православные русские, населявшие обширную часть города, в которую церковь была перенесена в 1936 году из дома на 10, бульвар Монпарнас. Необходимо отметить, что с начала сороковых годов начался медленный и сперва мало заметный процесс усиления той части посетителей храма, которая не принадлежала к числу членов Движения. Введенская церковь, задуманная и основанная как домовый храм Движения, стала постепенно превращаться в приходскую церковь, обслуживающую главным образом русских жителей прилегающих кварталов.

О. Виктор, будучи глубоко убежденным и до конца преданным идеям Движения человека, не забывал, что Введенская церковь является молитвенным центром, в котором возносятся ежедневные молитвы о Движении, центром, который объединяет его членов в день престольного праздника и в другие важные дни церковного года, в котором дети — ученики Четверговой школы получают начала Православного вероучения, но в то же время он стоял перед очевидностью образования среди богомольцев большой группы людей, ставших его духовными детьми, но не связанных с Движением. О. Виктор принял это положение и со свойственной ему пастырской ревностью стал отдавать себя обслуживанию этой новой для него паствы.

Так, постепенно, церковь Движения, сохраняя свои особенности домового храма, стала приходской церковью, ведущая группа которой (староста, его помощник, Церковный Совет, хор) принадлежала, в большинстве, к числу членов Движения.

Как настоятель, о. Виктор имел очень четкое понятие о своих правах и обязанностях, но вместе с тем никто, как он, не умел отступать на второе место, когда в храме служил священник, которому, по его мнению, надлежало предоставить первое место у св. Престола. Так было с о. Василием Зеньковским, в силу занимаемого им положения духовного руководителя Движения. История взаимоотношений о. Василия и о. Виктора за время их сослужения в течение без малого двадцати лет, их общее предстояние перед св. Престолом, заслуживает особого внимания, как пример братского сослужения в одной церкви двух выдающихся пастырей. Без преувеличения можно сказать, что и тени недоразумения не проскользнуло между ними за долгий период их совместного служения в храме Движения. Со своей стороны, о. Василий, будучи уже в сане протопресвитера, становился на второе место во время тех служб, когда о. Виктор был «предстоятелем», что создавало иногда парадоксальные с точки зрения церковного устава положения: протопресвитер выходил в конце литургии читать заамвонную молитву, чтение которой поручается обычно младшему из священников!

Внимание о. Виктора к своей пастве было очень велико: он знал семейные и материальные обстоятельства прихожан, заботился о духовном воспитании и церковной грамотности их детей, большинство которых посещало Четверговую школу при церкви. Личным письмом или визитом он отмечал день Ангела каждого прихожанина. Его личный помянник был очень велик; на его чте-

о. Виктор Юрьев и о. Василий Зеньковский на съезде Р.С.Х.Д.

ние ежедневно уходил час времени. На воскресную литургию о. Виктор приходил за два часа до ее начала, чтобы прочесть не только свой помянник, но все подаваемые на литургии поминания.

В годы, предшествовавшие войне, в доме Движения было устроено общежитие для детей, при деятельном участии Л. В. Крылатовой, Т. А. Веледницкой и о. Виктора. Существование этого нового начинания было прервано в 1939 году, когда с момента объявления войны дети должны были покинуть Париж и его окрестности.

Всем сколько-нибудь церковным людям известно, какую большую помощь оказывает настоятелю храма верующий, церковно воспитанный и сведущий в церковном уставе псаломщик. Пастырский путь о. Виктора был значительно облегчен тем, что в начале его служения, при многочисленных совершаемых в будние дни службах, псаломщиком при нем был преподаватель Богословского Института Ф. Г. Спасский. С 1943 года, когда академические занятия сделали невозможным для Ф. Г. участие в будничных службах, его заменил недавно окончивший Богословский Институт кандидат богословия чтец В. Г. Дунаев, владевший всеми нужными для псаломщика знаниями. После принятия сана диакона В. Г. продолжал исполнять обязанности псаломщика в будние дни. Не будет преувеличением сказать, что между о. Виктором и его сотрудниками царило всегда полное согласие при одинаковом отношении к соблюдению устава, церковному благолепию и пению.

В трудные 1940—1944 годы Р.С.Х. Движение, по распоряжению оккупационных властей, прекратило легальное существование; разрешено было только выделить из среды его членов трех лиц для наблюдения за сохранностью имущества. Дом Движения стал рассматриваться как дом при церкви. Те редкие собрания, которые были возможны в условиях того времени, устраивались от имени Церковного Совета Введенской церкви.

В день праздника Преполовения Пятидесятницы 1943 года, о. Виктору, как настоятелю храма, пришлось стать лицом к лицу с вторжением оккупационных властей в дом Движения. На основании сделанного кем-то доноса, власти распорядились сделать обыск в доме, причем особое внимание было обращено на библиотеку Движения и на архив. Большое число книг, показавшихся «крамольными», а также часть архива церкви были изъяты и увезены в неизвестном направлении. Изъятое никогда не было возвращено законным владельцам.

Организационные способности о. Виктора были оценены Епархиальной властью, которая поручила ему возглавление Епархиального Учебно-просветительного комитета. В 1953 году, Митрополит Владимир поручил о. Виктору организацию дня Русской Духовной Культуры, соединенного с празднованием памяти преп. Серафима. Это духовное торжество было приурочено ко дню празднования всех святых в Земле Российской просиявших, приходившемуся на 7-е июня. В нем приняли участие все приходы Парижа и его окрестностей, с духовенством, хорами, юношескими организациями.

На празднование, происходившее в храме Сергиевского Подворья, должна была прибыть икона преп. Серафима из одноименной церкви на ул. Лекурб. Этот церковный праздник привлек очень большое число молящихся, заполнивших храм и всю усадьбу Сергиевского Подворья. Праздник прошел с большим подъемом; организационная его сторона не оставляла желать лучшего. Митрополитом Владимиром была выражена о. Виктору особая благодарность за безупречную подготовку и проведение этого праздника.

В том же 1953 году, усилиями о. Виктора и группы сочувствовавших ему в его начинании церковных деятелей, с благословения митрополита Владимира, были организованы курсы по подготовке псаломщиков. Курсы открылись осенью, в помещении Движения, при 30 участниках. В июне следующего 1954 года 10 слушателей курсов успешно подверглись испытаниям перед особой экзаменационной комиссией и получили соответствующие удостоверения.

Прошло еще пять лет; 1959-й год ознаменовался двумя грустными событиями в нашей церковной жизни: кончиной Митр. Владимира и тяжелым заболеванием о. Виктора. Несколько месяцев лечения вернули о. Виктору необходимые для его служения силы; он оставался на своем посту до начала текущего года, после нескольких перерывов, вызванных ухудшением состояния его здоровья. С марта месяца о. Виктор окончательно переселился в старческий дом при монастыре в Розэй-ан-Бри, откуда он приезжал только один раз в свой родной приход 17 апреля, на Фомино Воскресенье, чтобы отслужить в последний раз литургию и обменяться пасхальным приветствием со своей паствой.

Его кончина, наступившая 6-го августа, болезненно отозвалась на всех, кто имел случай с ним встретиться как со священником и человеком, а для его сослужителей по храму Движения и для всех его сотрудников по епархиальным и приходским учреж-

дениям, для членов Движения во Франции, председателем которого он был много лет, она явилась трудно возместимой потерей.

Нам не дано знать времена и сроки, но мы не можем не верить, что семена, посеянные этим добрым пастырем за долгие годы его церковной и общественной деятельности, дали уже и дадут еще добрые всходы и принесут стократный плод.

Свящ. Всеволод ДУНАЕВ

“Тебе предлагаем жизнь нашу всю”...

До своего священства, о. Виктор принадлежал к числу тех офицеров русской армии, для которых служение Родине было целью жизни. Потеряв родину, он не потерял веру в Бога, и стал активным членом Церкви.

В своем священстве, о. Виктор много трудился ради Христа и возрастал духовно, преодолевая внутренние и внешние трудности. Он повторял слова ап. Павла: «солнце да не зайдет во гневе вашем», и если чувствовал свою вину — просил прощения. Он говорил, что Бог принимает трудовую молитву с наименьшей радостью, нежели вдохновенную, ибо видит старание и усилие человека; и когда делаешь что-либо для Бога и даже бредешь с трудом, ангел Господень считает твои шаги, и они тебе зачтутся.

На путях своей духовной жизни, в той глубине, где не может помочь близкий или друг, о. Виктор не испытывал тоски и одиночества, ибо в глубине своей души он был всегда со Христом.

Он любил церковные службы; они стали для него необходимы, как воздух. Он сказал как-то: «Какая красота, какое богатство! В этих-то чинах богослужбных и лежит начало устройства моей души, моей жизни.

Кроме молитвенного правила и церковных служб, о. Виктор давал обеты. По какому поводу они давались — об этом он, кажется, никому не говорил. Давались они на определенный срок или на всю жизнь и заключались в чтении акафистов, канонов и молитв с поклонами поясными или колено-преклоненными. К литургии он готовился непрестанно, всю жизнь, и говорил, что он только начинает готовиться к ней.

Вставал он рано. До литургии успевал писать письма. Проскомидию на седмице начинал совершать задолго до часов. Приходил он в церковь праздничный. «Когда постишься, помажь го-

лову»; и действительно, иногда он чем-то смазывал слегка венчик своих волос. Входные молитвы читал про себя. После земных поклонов — молитву: «Вниду в дом Твой...» читал громко, а также молитвы, положенные на облачение, и всю проскомидию — все наизусть, кроме одной: «Господь воцарися, в лепоту облечеса...» — почему-то не мог ее запомнить, и поэтому она была им написана на картонке, прикрепленной около жертвенника.

«Благословенно Царство...» — это был для него не только начальный, радостный возглас, но действительное предстояние перед лицом Пресвятой Троицы. На великой ектении, после «о плавающих и путешествующих...» он вставлял прошение о болящих, называя их по имени. У него были просто болящие, тяжко болящие и страждущие. К последним относились одинокие и находящиеся в горе. Затем шла краткая остановка: «не забыл ли кого...» и, убедившись, что перечислил всех, продолжал, — литургия шла своим чередом. После евхаристического канона, молитву: «якоже быти причащающимся...» произносил радостно, удивляясь тому, что ему дается «во оставление грехов, в приобщение Св. Твоего Духа, во исполнение Царствия Небесного...».

Он нес служение свое Церкви так, чтобы продолжать его в жизни, за церковной оградой: «Тебе предлагаем живот наш весь...» — так оно и было для о. Виктора.

Любовь и смирение стало его природой. В последнее время, радостная, детская улыбка не покидала его. Как-то, в разговоре, он сказал: «умереть — не боюсь!» и не потому, что он был по натуре храбрый, но потому, что шел ко Иисусу Христу, и другого пути у него не было.

И. В. МОРОЗОВ

ПАМЯТИ о. ВИКТОРА ЮРЬЕВА

В 1944 году, осенью, на общем собрании членов Р.С.Х.Д. во Франции, о. Виктор Юрьев был избран Председателем Движения и исполнял эту должность до 16 декабря 1965 г., когда, по состоянию своего здоровья, он должен был покинуть пост Председателя, но на этом же Собрании Движение избрало о. Виктора пожизненно почетным Председателем Движения во Франции. Таким образом, о. Виктор в течение 21 года исполнял обязанности Председателя Р.С.Х.Д. во Франции.

Все развитие работы Движения после Второй Мировой Войны протекало при близком его участии. Движение поистине воссоздавало заново свою работу, так как во время Второй Мировой Войны работа не только была приостановлена, но во многих странах Европы Движение было полностью уничтожено. Даже во Франции немногие верили, что Движение может продолжить и развить все формы своей деятельности с детьми и с молодежью, но о. Виктор, вместе с покойным о. Василием, были именно среди тех, кто верил в будущее Движения и кто включился в работу по восстановлению Движения. К работе Движения примкнула довольно большая группа молодежи, среди которой было немало студентов Православного Богословского Института. Ценно именно то, что молодежь сразу же почувствовала и в о. Викторе и в о. Василии своих подлинных друзей и духовных руководителей, с которыми установилось тесное, постоянное сотрудничество.

Работа кружков, публичные лекции, устройство съездов, организация миссионерской работы в провинциальных приходах Франции и в Бельгии, издание журналов, совершение ранних литургий, проведение ежегодно трех лагерей для детей и молодежи, экуменическая работа, работа театральной группы, издательская деятельность, все формы деятельности Р.С.Х.Д. ширились и развивались при полной поддержке о. Виктора. Он искренно радовался всякому успеху в работе Движения, все ответственные работники Движения находили у него слова утешения и чистосердечную благодарность за свои труды. Чувствовалась везде его исключительная доброжелательность к человеку, трудящемуся в Церкви, принесшему свои дарования на алтарь служения Богу и своим близким.

К каждому работнику Движения о. Виктор относился с большой любовью и исключительным доверием. Он прежде всего верил человеку, верил в то, что в человеке должны побеждать его добрые порывы, его светлые устремления. Немало ему приходилось разочаровываться, но все же свою светлую веру в человека он сохранил до конца дней своих. Это явно свидетельствует не только об его любвеобильной душе, но и о чистоте его сердца. Те, кто близко знал о. Виктора, могут засвидетельствовать, насколько он был требователен к себе, к исполнению своих обязанностей пастыря, церковно-общественного служителя и как терпелив и снисходителен был к своим близким. В своей многообразной церковной работе о. Виктор встречался и с трудными характерами людей, с непониманием смысла и значения работы Р.С.Х.Д. в Церкви, но

не без мучений и внутренней борьбы, претерпевал все это, памятуя слова ап. Павла: «носите тяготы друг друга».

О. Виктор прежде всего был подлинным христианином в жизни, сочетавшим путем неустанного подвига Христово учение со своей повседневной жизнью. Для каждого из нас он был не только наставником, но и живым примером осуществления христианства в жизни. Своей живой любовью ко Христу, своим смирением, чистотою сердца, полным отсутствием самомнения, — он поистине являл образ доброго пастыря. О. Виктор несомненно принадлежит к числу тех праведников, которыми прославляется Правда Христова и в нашем современном мире.

Н. А. ТЕРЕНТЬЕВА

О. ВИКТОР И ДЕТИ

Деятельность почившего отца Виктора Юрьева тесно сплелась с различными областями нашей церковной эмигрантской жизни. Но, помимо его пастырского служения, его любимым детищем была руководимая им Четверговая школа при Русском Студенческом Христианском Движении. Школа эта начала свою работу еще в те годы, когда Р.С.Х.Д. помещалось в здании на 10, бульвар Монпарнас, но отец Виктор и его жена Инна Константиновна ответственно занялись ею после того, как о. Виктор был назначен настоятелем храма Введения во Храм Пресвятой Богородицы на 91, ул. Оливье-де-Серр и когда вся деятельность Р.С.Х.Д. сгруппировалась вокруг этого нового центра.

Отец Виктор любил детей и умел легко и просто находить доступ к детской душе. В первые годы своей работы в Школе, когда французские лицеи не предъявляли никаких особых требований к русским детям в области изучения русского языка, бабушка и матушка Юрьевы создали в нашей Четверговой школе задушевную атмосферу, будя в детях любовь к Православной Церкви, к родине, к русскому языку и родной культуре. Надо было видеть, как заслушивались ученики рассказами отца Виктора, всегда находившего идущие к сердцу, искренние и живые слова. Часто уроки Закона Божия превращались в оживленные беседы, когда дети наперебой засыпали вопросами своего законоучителя. И такие

беседы запоминались порой крепче и проникали в душу глубже, чем выученные по книжке уроки «отсюда — досюда».

В ту пору учебных книг на русском языке почти не было, и отец Виктор вдохновенно и творчески переживал каждую свою школьную встречу с учениками, часто делясь с друзьями содержанием этих уроков. Он любил вспоминать, например, глубоко-мысленный ответ одного восьмилетнего философа. Вопрос зашел о совмещении в новом поколении русских детей их французского подданства с принадлежностью к русскому народу: «Я понял! Значит у нас кожа французская, а душа русская!».

А матушка Инна Константиновна, образованный и культурный человек, проводила с детьми чрезвычайно интересные уроки, обучая их русской истории и русскому языку. В то время в Четверговой школе не было — существующей ныне — строго выполняемой программы преподавания, и поэтому часы, проводимые детьми в Школе, предоставляли широкую возможность разнообразного их использования. Отец Виктор и Инна Константиновна взялись за огромный труд — театральные постановки, в наемном зале, при участии одних лишь учащихся Школы. Отец Виктор с увлечением клеил и изготовлял декорации, помогал матушке режиссировать, детям — разучивать роли. Запомнился замечательно поставленный ими спектакль: «Руслан и Людмила», инсценировка детских сказок.

Настали страшные годы войны. Отец Виктор возглавил группу детей, эвакуированных на юг Франции, заведывал этим русским центром, нашедшим временный приют в г. По, и вернулся с детьми в Париж, когда настала для этого возможность. 1941 год. Детский летний лагерь в Гаржанвилль. Бывший ученик Школы, зрелый человек, отец двух детей, с сердечным чувством вспоминает те моменты, когда он, в числе других мальчиков, поджидал с нетерпением появления в дверях дортуара высокой фигуры о. Виктора, который, на сон грядущий, вел с детьми задушевные беседы, иногда незаметно переходя на свои военные воспоминания, вызывая в воинственно настроенных мальчиках чувство долга, любви к родине и беззаветной самоотверженности. — «Мы потеряли в нем Человека» — говорит этот бывший ученик отца Виктора, который и венчал его и крестил его детей.

Инна Константиновна, озабоченная отсутствием учебников, необходимых для преподавания русской литературы и русской истории в Четверговой школе, приступила к намеченной ею работе. Отец Виктор переживал вместе с нею каждую, написанную

ею фразу, вносил свои замечания, по несколько раз перепечатывал на машинке готовый материал и затем «крутил» его на ротаторе. И часто поздно ночью был виден свет в его окошке и глухо раздавался стук пишущей машинки.

1946-й год. В заброшенной деревушке департамента Шер, на маленькой русской ферме, отец Виктор проводит с матушкой свой первый послевоенный летний отпуск. Сидя на зеленой полянке, обложенные книгами, они озабоченно разбирают каждую мысль новой брошюры о творчестве Достоевского, которую Инна Константиновна готовит для Школы.

Но настают другие времена и жизнь предъявляет новые требования. Школа расширяется, и отец Виктор приглашает в педагогический состав новых сотрудников*). Вся административная работа, значительно увеличившаяся, лежит на нем: программы, расписания уроков и экзаменов, письма родителям, финансовая отчетность. Нужно ли преподавателю напечатать дополнительный материал для своих уроков — отец Виктор находит время с готовностью удовлетворить своего сотрудника. А с какой любовью и вниманием о. Виктор заботился о том, чтобы каждому заслужившему награду ученику была выбрана соответствующая его вкусу книга.

И дети чувствовали эту любовь и эту заботу. В день его Ангела, в дверях его скромной квартиры непременно появлялось несколько юных поздравителей. А на Рождество и на Пасху растроганный отец Виктор перебирал пачку поздравлений, присланных настоящими и бывшими учениками.

Ушел отец Виктор, но память о нем живет в душах его бывших учеников. Сумел он заронить в сердце Васеньки, окончившего Школу лет 10 тому назад, настолько верную любовь к своему законоучителю, что из далекой Америки, теперь — блестящий инженер, Васенька поручил своей матери, оставшейся в Париже, прийти помолиться вместо него на панихиде по усопшем любимом пастыре и учителе.

*) Высоко поднял отец Виктор престиж Школы и в мнении русской эмиграции. Находясь сам во главе Учебно-просветительного комитета при Епархиальном Управлении, он радовался тому, что Школа, благодаря увеличению своей программы, поднялась до уровня среднего русского учебного заведения.

ОТЕЦ ВИКТОР — ПЕДАГОГ И РУКОВОДИТЕЛЬ ЮНОШЕСТВА

«Руководитель тогда дорос до полного понимания своей задачи, когда он приходит к сознанию необходимости молиться о порученных ему детях» — таково было заключение беседы Александра Ивановича Никитина, обращенной к нам — молодым руководителям Дружины. Трудно было нам понять этот завет старого Движенца. Конечно, молитва, молитва церковная, духовное пробуждение, «оцерковление жизни» — основа нашей педагогической работы, но... но занятия, проводимые руководителем, столь разнообразны, охватывают, можно сказать, все области детской жизни, что кажется какой-то односторонностью сводить все к молитве. Какая, казалось-бы, может быть связь между шумной игрой в волейбол и молитвой, повседневными мелочами жизни и молитвой...

Такова была проблема руководителей первого лагеря в Сан-Теофрей в 1939 году, — Центра-убежища парижских детей в Клараке и в По, — продлившего этот лагерь на 15 месяцев совместной жизни, а затем в летних колониях в Гаржанвиле и в Курселе.

Проблема эта не всегда и не всеми сознавалась, редко о ней говорили руководители между собой, разве что на курсах подготовки руководительского состава из молодых, для новых лагерей в Сан-Теофрей, в 1945 году в последнем лагере в Курселе. А тем не менее она стояла перед нами на каждом шагу — заявляла о себе при вопросе об «обязательном посещении церковных служб и молитв» и при вопросе о правильном отношении к нарядам хозяйственного порядка. Стояла эта проблема и в другом плане — в плане человеческих взаимоотношений как между руководителями, так и между воспитательским и хозяйственным персоналом лагерей и колоний.

Не все одинаково понимали важность и значение педагогических задач, выпавших на их долю. Одним из таких неосозаемых явлений было как раз то, что вместе с нами был отец Виктор.

И теперь, когда мы больше не можем его увидеть среди нас, поговорить с ним, приобщиться тому миру и спокойствию, которым он наделял каждого, с особой отчетливостью становится ясным, что значило для нас присутствие отца Виктора.

Невольно вспоминается небольшой наглядный пример, который не раз приходилось слышать от отца Василия Зеньков-

ского: «Ребенок играет в песке на детской площадке, мать сидит в стороне на скамейке. Ребенок полон жизни и инициативы, и вдруг, бросив взгляд на скамейку, он замечает, что она пуста. Его охватывает растерянность, полная неспособность предпринять что-либо; все силы его оставляют, беспомощно он смотрит по сторонам. Но стоит ему снова обнаружить мать на другой скамье, как состояние бессилия исчезает». В чем дело? — ведь мать не принимала участия в его игре, ребенок сам, без посторонней помощи, выявил себя в полной свободе и независимости. И в первом, и во втором, и в третьем моменте по существу ничего не изменилось, и тем не менее разница есть. Если в приведенном примере можно найти разницу в психологическом состоянии ребенка, то основана она на том, что для ребенка не безразлично, хотя он этого и не сознает, есть ли с ним мать, или ее нет. Это присутствие матери, эта невидимая связь матери и ребенка заключается в любви. Так и во взаимоотношениях людей, основанных на любви, она выражается в молитвенном памятовании о других. Это — невидимая сила, охраняющая и дающая способность преодолеть порой, казалось бы, неразрешимые трудности, восполняющая многие недостатки и несовершенства.

Вспоминая о том, как в те богатые событиями годы на нашем пути неожиданно вставали разного рода препятствия, становится более понятным завет А. И. Никитина. Можно было бы привести много случаев руководительской и педагогической интуиции отца Виктора в том, как он «принимал участие во всей жизни» — таков был его девиз: не вмешиваясь, не навязывая никому своего авторитета, не разочаровывая молодых неопытных руководителей в их неудачной инициативе, не охлаждая вдохновения в пустяжных и ненужных начинаниях, но своим присутствием, наличием своего духовного молитвенного средоточия восполнял наше невольное несовершенство, внося этим некоторое новое «качество» всему нашему делу. С другой стороны, он твердо преграждал путь всем злым и разрушительным проявлениям — и в таких случаях был непоколебим, хотя нам, по нашей слепоте, казался неуместно настойчивым и упорным.

В своей работе с детьми и, в особенности, с руководителями отец Виктор осуществлял то, что впоследствии нами было осознано как внесение того духовного здоровья, без которого любая совместная жизнь вырождается в глухое непонимание и нежелание понять друг друга, что ведет к умиранию соборного единства — основного фактора успеха педагогической работы.

О МАРИИ МИХАЙЛОВНЕ КУЛЬМАН

В августе 1965 года скончалась в Лондоне Мария Михайловна Кульман, урожденная Зернова. Дочь известного врача Михаила Степановича Зернова (1857—1938) и Софии Александровны Кеслер (1865—1942), она родилась в Москве 10 марта 1901 года. Родители ее оба были общественными деятелями, стоявшими во главе Вспомогательного Общества Санаторий в Эссентуках на Кавказе, дававшего возможность лечения на Минеральных Водах малосостоятельным больным. Попав в эмиграцию, доктор Зернов основал в Париже Московское землячество, помогавшее своими стипендиями русской учащейся молодежи.

Мария Михайловна была первой женщиной, окончившей в 1926 году православный богословский факультет Белградского Университета.

Переехав в Париж, она приняла живое участие в работе Рус. Студ. Христ. Движения, став основательницей и руководительницей Содружества Молодежи. В 1929 году она вышла замуж за Густава Густавовича Кульмана (1894—1961), сыгравшего большую роль в истории Русской Церкви и культуры. Ему принадлежала мысль создания религиозно-философской академии и издания православных книг на русском языке (Имка-Пресс).

Кульманы сперва жили в Дрездене, где они участвовали вместе с Ф. А. Степуном в религиозных собраниях Р.С.Х. Движения. Переехав в Женеву, Мария Михайловна организовала бесплатные каникулы в Швейцарских семьях для нуждающихся русских детей из Парижа, которые существенно помогли многим. Накануне второй мировой войны Кульманы поселились в Лондоне, где в их доме была устроена школа для русских детей.

После окончания войны М. М. создала Пушкинский Клуб, целью которого было знакомить как русских, так и англичан с русской культурой во всех ее проявлениях. Особой чертой деятельности клуба было устройство лекций, на которых выступают как известные советские писатели и артисты, так и представители зарубежной России. Клуб открывал свои двери для всех русских и иностранных лекторов, согласных говорить на литературные, религиозные, философские и исторические темы, не вступая в политические споры. Успех клуба во многом зависел от особых качеств председательницы, горячо любившей и веровавшей в Россию, готовой выслушивать различные толкования ее судьбы и

вместе с тем твердо стоявшей на позиции полной свободы и независимости созданного ею в Лондоне центра.

М. М. была исключительной личностью, много видевшей в своей жизни и бывшей другом многих русских и иностранных выдающихся людей. После ее смерти остались отрывки ее воспоминаний, записанных с ее слов, когда болезнь лишила ее возможности самой написать их.

БИБЛИОГРАФИЯ

“Православие” (очерки учения Православной Церкви) прот. Сергей Булгаков. (460 стр.) 1966 г. Издание YMCA-Press 11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, Paris-5e.

(Биографический очерк Л. А. Зандера на стр. 5—26)

Лишь через тридцать лет после его составления “Православие” наконец выходит в свет на русском языке, на котором оно и было написано. Оно было составлено для западных читателей и было издано по-французски (1932 г., с сокращениями), по-английски (1935 г.) и по-немецки. Несмотря на появление обильной литературы после второй мировой войны о Православной Церкви, о православном предании, богослужении, духовной жизни, искусстве и т. д., “Православие” отца Сергия продолжает быть незаменимым руководством для вхождения в тайну Православия.

Для многих западных людей чтение этой книги было откровением о сущности Православия, о его жизненности и красоте, а также и о его значении в современном мире. Для самих православных оно являлось нередко подлинным стимулом их живой веры и к цельному восприятию христианской жизни.

С первых слов первой главы — о Церкви, о. Сергей выводит читателя из рамок школьной догматики и призывает к познанию Православия через приобщение ему: “Православие есть Церковь Христова на земле. Церковь Христова есть не учреждение, но **новая жизнь со Христом и во Христе, движимая Духом Святым** (курсив о. Сергия Булгакова)... Свет Воскресения Христова осияет Церковь, и радость Воскресения, победы над смертью, ее исполняет. Господь воскресший живет с нами, и наша жизнь в Церкви есть сокровенная жизнь во Христе...” (стр. 27). “**Бог есть любовь. Церковь, Тело Христово, становится причастно этой тропичной божественной любви...**” (стр. 29).

“...вообще не может быть исчерпывающего и удовлетворительного определения Церкви. “Прииди и виждь”; только опытно, благодатно познается Церковь чрез причастность ее жизни...” (стр. 33).

Наиболее яркий мотив, идущий через всю книгу, есть радость Пасхальная и озарение светом Воскресения Христова. Следовало бы привести полностью страницы, в которых о. Сергей повествует о Пасхальном богослужении, сердцевине православной молитвенной жизни.

В этой книге о. Сергию удастся затронуть самые основные темы Православия: о Церкви, о Священном Писании и Священном Предании, о церковной иерархии, о вероучении, о таинствах, о почитании Богоматери и святых, о богослужении, об иконе, о мистике, об этике, об отношениях Православия к государству, к хозяйству, к апокалиптике, к эсхатологии, к инославию.

О. Сергей не следует привычному порядку учебников догматики (о Боге, о мире, о человеке, о грехопадении, о спасении, о Церкви, о таинствах, о конечных судьбах мира). Его исходная точка — это Церковь. “Православие есть Церковь Христова на земле”. Она есть некая изначальная “божественная данность” и в ней совершается наша причастность к божественной Троичной жизни. В ней “раскрывается сила боговоплощения Христова”, в ней “пребывают огненные дары Св. Духа”. Церковь есть “Тайна и Таинство”, объединяющее все таинства и всю жизнь верующих, членов единого Тела Христова...

“Экклезиоцентрический” подход о. Сергия к Православию вполне законен и педагогически уместен. Жизнь во Христе в полноте, благодати и истине возможна только в Церкви, черпая из ее материнского лона благодатные источники воды живой, Св. Духа. Эта книга есть свидетельство от полноты опыта Церкви, вдохновляется церковным вечно юным Преданием. В свою очередь, возрождаясь к новой жизни в Церкви, верующий возносится к богопознанию и богообщению.

В наши дни, когда уста Русской Церкви заграждены и когда она лишена возможности исполнять свободно призвание духовного учителя, мы убеждены, что выход в свет “Православия” о. Сергия Булгакова восполняет значительный пробел и отвечает насущным запросам русского верующего народа, не только за рубежом, но и в самой России. Память о. Сергия там почитается наравне с самыми видными духовными писателями его времени. Книги о. Сергия переписываются и распространяются. Не может светильник оставаться под скупом.

Пожелаем издательству YMCA-Press успеха в дальнейшем издании и распространении религиозных трудов самых значительных мыслителей Русского Православия.

Свящ. Борис Бобринской.

“**Душа человека**”. “С нами Бог” — С. Л. Франк, 1964 г. Издание YMCA-Press, 11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, Paris 5°.

Надо быть чрезвычайно признательным издательству YMCA-Press за его последние публикации такого крупнейшего мыслителя, каким был С. Л. Франк (1877—1950). Переиздание “Души человека”, о которой мы уже писали, и публикация таких трудов, как “С нами Бог”, предлагают вниманию читателя настоящий “пир духовный”.

Мы здесь неспроста упомянули этот термин “пир”, заставляющий нас вспомнить об одном из лучших творений философской музыки Платона. Произведения С. Л. Франка при их чтении дают именно изысканную духовную пищу.

Помимо своего громадного научно-философского значения, эти книги С. Л. Франка это — в самом высоком смысле — еще и “душеполезное”, “душеспасительное” чтение. Надо отметить, кроме того, превосходный и очень индивидуальный прозрачный литературный стиль этих творений. С. Л. Франк, несомненно, входит в категорию таких философских писателей, как Анри Бергсон, Лев Шестов, Владимир Соловьев, о. Павел Флоренский, Л. П. Карсавин. Он обладает завидным даром, не снижая тематики, до максимума облегчать ее восприятие и усвоение. А тематика С. Л. Франка — одна из самых трудных. Это — своеобразное сочетание теодицеи (богооправдания) и антроподицеи (человекооправдания), что можно назвать системой апологии христианства.

Творения С. Л. Франка — по ту сторону какой бы то ни было обывательщины. Помимо своего громадного философского, метафизического и богословского дара, он наделен предельным чувством совестливости, способности беспорочно стоять перед Богом, перед людьми и перед самим собою. Это мыслитель не только чистый, но и исполненный сознания взятого на себя долга.

Ответственных писателей вообще очень мало, как мало и ответственных творцов ценностей — независимо от того, какие это ценности: художественные, научно-философские, ораторско-лекторские или еще какие-нибудь другие. Вполне ответствен тот, кто творит, “ходя перед Богом” и в полном сознании, что ему и тем, кому предназначены созданные им ценности, придется отвечать в вечности. И когда это чувство, эта устная овладели автором, тогда можно сказать, что — в случае, если ему удалось это воплотить в создание высшей ценности — он приобщается своими творениями к сонму учителей человечества.

Единичному человеку, как бы высоко он ни стоял на интеллектуальной и моральной лестнице, не дано здесь выносить свои приговоры. Это делается вековым опытом церковного человечества. Но когда при чтении какого-либо творения вами овладевает благодатное чувство мира, тишины и близости вечной истины, то тогда вы невольно и высказываетесь в соответствующем смысле.

“Правда, радость, мир о Дусе Святе...”. Такие ценности не даются даром; нередко приходится многими горькими слезами омочить свою грудь, прежде чем снизойдет на душу и сердце и на созданные творения эта “роса благодати”. Книги С. Л. Франка переполнены свидетельствами таких борений и связанной с ними диалектики — подлинной и истинной. Но единственной целью подлинной диалектики, как и подлинной мысли, — это пробиться, пусть “как бы в битве”, по выражению Платона, — к “единому на потребу”, к “единоспасающей” истине.

Однако от С. Л. Франка не скрыт великий трагизм, лежащий в дуализме Бога и “мира, лежащего во зле”. И едва ли мы ошибемся, если скажем, что большую часть своих огромных сил потратил этот мысли-

тель на преодоление этого дуализма и на указание путей его преодоления. Он никогда не ранит, но всегда целит читателя своим богоданным даром. За это ему честь, слава и вечная память.

В. Ильин.

“Основы древне-церковной антропологии” — А. Позов. Мадрид, 1965—66. Том I (422 стр.) и том II (350 стр.).

Д-р Позов стал известен в русской богословской литературе в 1961 году, когда он издал в Мюнхене свою первую книгу “Логос-медитация древней церкви”. Ф. А. Степун горячо приветствовал появление в печати этой книги. За ней вскоре последовало напечатание его нового труда в двух томах, посвященного изложению православного учения о человеке.

Автор этих книг Авраам Самуилович Позов, родившийся в Карсе в 1890 году, получил медицинское образование. До 1931 года он работал врачом в России; после своей эвакуации в Грецию, он продолжал там свою врачебную практику. В настоящее время он живет в Германии. В его лице сочетается врач, хорошо осведомленный о современной медицине, всесторонне образованный богослов и христианин, опытно знакомый с молитвенным преданием Православия и с его аскезой. Это редкое совмещение таких обычно разделенных интересов и знаний придает книгам д-ра Позова исключительную ценность. Они не только знакомят читателей с глубоко продуманным и на опыте проверенным православным взглядом на человека и на его сложную трехчастную природу (дух, душа, тело), но и сравнивают этот подход с различными современными философскими, психологическими и медицинскими теориями.

Последний труд д-ра Позова — подлинный вклад в нашу сокровищницу зарубежной богословской литературы. О его масштабе можно судить по заглавиям некоторых его глав. Так, например, первый том обсуждает следующие темы: триединство духа, души и тела. Космическая душа. Фантазия. Память. Внутренний человек. Страсти. Противоположность. Болезни. Второй том: Потерянный рай, Евангелие Царства. Таинства. Благодать. Трезвение. Сокрушение сердца. Психоанализ. Тайновидение. Любовь. Свобода.

Автор вполне владеет своим предметом, у него дар писать ясным, всем доступным языком, но он не опрощает своего изложения и не теряет глубины своих мыслей. Д-р Позов не только смог написать свой большой труд, но он сумел и издать его, что является настоящим подвигом при современных эмигрантских условиях. Хочется верить, что он найдет должную поддержку у всех тех, кто верит, что Православие знает больше о человеке, о его святости и греховности, о его богоподобности, чем все новые учения, претендующие на разрешение тайны человеческой личности.

Я горячо советую каждому приобрести эту прекрасную книгу, а также помочь всячески ее распространению в тех кругах, где существует интерес к православной мысли и культуре. Книгу можно получить в магазине Les Editeurs Réunis, 11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, Paris-5e.

Н. Зернов.

“Книга свидетельств”. Философия человеческой жизни. — Архиепископ Иоанн Шаховской. Изд. Ἰϋδός, Нью-Йорк. 1965.

Русскую эмиграцию, в которой оказалось много первоклассного элитного элемента, можно обвинить в чем угодно, но только не в недостатке творчества и духовного дерзания. Не будь его, как бы могла она — политически разбитая и разделенная, биологически обескровленная и обессиленная, экономически нищая и юридически бесправная — все же оказаться светочем для всего мира, к которой присматриваются и прислушиваются во всех странах и, напоследок, там, где этого можно было бы меньше всего ожидать — за железным занавесом. России нет, но она есть благодаря своей внутренней и внешней эмиграции, которые ныне подали друг другу руки.

“Хлеб для меня — это вопрос материальный. Хлеб для моего ближнего — это вопрос духовный”, как великолепно сказал Н. А. Бердяев в своей книжечке о “Положении человека в современном мире”.

Конечно все усиливается в своей вескости, важности, сложности и серьезности, когда речь идет о хлебе духовном.

“Мы нищие, а многих обогащаем” — говорит св. ап. Павел о христианах. И это воистину так. Обогащающими многих хлебом духовным являются вышедшие недавно в свет книги высокопреосвященного архиепископа Иоанна Сан-Францисского и Калифорнийского “Книга свидетельств” и “Листья древа”, (1-й том “Опыт православного духоведения”), изд. Ἰϋδός, Нью-Йорк. 1965.

Книга Владыки Иоанна состоит из небольших, ярко очерченных и отлично документированных глав по самым жгучим вопросам как современности, так и по вечным тревожащим душу человека вопросам. Хочется отметить в книге следующие главы: “Жажда бессмертия”, “Богатство в нас”, “Елена Келлер”, “Тейяр де Шарден о страдании”, “Явление Христа в истории”, “Русская мысль и материализм”, “Смысл трагизма”, “Рефлексология Павлова”, “Пирогов”, “Хирург-епископ”, “Тайна имени”.

Стоит только прочесть одну из этих глав, как уже оторваться нельзя и от остального, и над книгой просидишь весь день и всю ночь, пока не выпьешь ее всю. Ценная сама по себе книга архиеп. Иоанна чрезвычайно полезна еще и в двух других смыслах. В наше время как церковные пастыри, так и воспитывающая их духовная школа нуждаются в хороших руководствах как по Апологетике, так и по Гомилетике.

Нам уже неоднократно приходилось говорить — и по самым разнообразным поводам, что и апологетика и гомилетика (наука о защите христианской веры и наука о церковном красноречии) очень устарели. Это было заметно еще в самом начале столетия, когда едва намечался тот надлом, который в эпоху первой мировой войны привел к той грандиозной катастрофе, свидетелями которой и участниками мы явились и являемся. Для очень многих выносить свершившееся оказалось не под силу, и они надломались и даже вовсе соблазнились. Слишком часто приходится быть свидетелем, а то и объектом ивовых недоумений, вопрошаний и протестов. На них необходимо дать ответ, и притом — немало

не медля. Книга архиеп. Иоанна дает в руки страждущим такое апологетическое средство против отчаяния, служит тем, что в старину называлось *medicina mentis* — “духовной медициной” или лучше — “медициной духа”, не говоря уже о том, что она в связи с этим являет собою очень ценное пособие для всех тех, кто так или иначе, но причастен, в активном смысле, преподаванию апологетики и борьбе с безбожием или с маловерием.

Так как здесь проповедничество с церковной кафедры, да и вообще ораторское искусство на духовные темы играет очень большую роль, то книга архиеп. Иоанна может оказать и здесь неоценимые услуги всем тем, кто по роду своего служения в Церкви вынужден прибегать к искусству слова и форме как писанной, так и живой речи. Даже говорящий на свои собственные темы и пишущий на собственные сюжеты найдет себе в произведении Владыки Иоанна могучую и полезную опору.

В. И.

Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века. Антология. — С. Л. Франк. Издание Inter Language Literary Associates (300 стр.) 1965 г.

Опыты по истории русской философской мысли — вещь хотя, относительно говоря, новая, но уже зарекомендовавшая себя несколькими основательными трудами. Сюда надо отнести книги проф. прот. о. Василия Зеньковского, проф. Н. О. Лосского, проф. Б. Н. Яковенко, пока не вышедший из печати, но совершенно готовый и частично лишь опубликованный труд проф. В. Н. Ильина, и, наконец, весьма основательный труд проф. прот. о. Георгия Флоровского “Пути русского богословия”. Труд этот в такой же мере можно было бы назвать и “Путями русской философии”. И всякому, кто занимается этим вопросом серьезно, труд проф. Г. Флоровского обойти никак нельзя.

Напечатание “Антологии”, к тому же сделанной таким знатоком дела, как проф. С. Л. Франк, в великолепном издании Inter-Language Literary Associates, 1965 г., надо всячески приветствовать. Одно дело подача-пересказ в труде, который как-никак все же есть произведение данного автора и выражает, прежде всего, его собственную философскую точку зрения, — другое дело, голос самих философских авторов, да еще в обстоятельно составленной антологии-хрестоматии — “энхиридионе”. А труд проф. С. Л. Франка есть такой великолепный и со вкусом составленный, целостный “энхиридион”. “Энхиридион” проф. С. Л. Франка дает весьма выпуклую, отчетливую и яркую картину достижений русского миросозерцательно-философского гения во всех его внушительных размерах. Материал антологии подобран так, чтобы не только быть характерным и показательным для данного автора, но еще — чтобы у этого автора найти такое, что будило бы мысль, внимание и интерес. А интерес — это ведь цель и в высшей степени важная проблема педагогики как в отношении детей, так и в отношении взрослых. Ведь “антология” имеет своей задачей разбудить и возбудить специальный интерес к русской философии; показать, что у русского философского гения есть сказать

нечто совершенно новое, а в старых вопросах, как будто изъезженных вдоль и поперек и до конца известных каждому специалисту — независимо от того, русский ли он или человек запада — найти новые стороны и новые подходы. Поэтому в “антологии” находится много имен, которые и для русского читателя звучат как совершенно новое откровение. Возьмем, например, имена Николая Федорова, кн. Евгения Трубецкого, о. Павла Флоренского, Николая Лосева*). У рядового философа по специальности — это по большей части только почтенные имена, с которыми не связаны никакие более конкретные миросозерцательные и научно-философские ассоциации. Несомненно, то же самое было бы с Н. Бердяевым и с Д. Мережковским, не будь их имена так оглушительно громки за границей.

Для нашей эпохи, пожалуй, особенно для переживаемого момента конфликта всевозможных идеологий на политической авансцене истории и обнаружившейся религиозной подосновы этих конфликтов, равно как и роли христианства как абсолютного критерия и арбитра, особенно важными являются главы, посвященные Николаю Федорову и кн. Евгению Ник. Трубецкому, брату знаменитого эллиниста кн. Сергея Ник. Трубецкого. С. Л. Франк прав, говоря, что кн. Евгений Трубецкой в первую очередь — политический мыслитель, а также — политический деятель либерального направления. Но в каком качестве и какой силы проникновения, с какой зречностью в отношении Философии Истории и в том, что лежит в основе всякой подлинной историософии — в отношении к эсхатологии и к апокалиптике. Не мешает тут же также вспомнить, что он автор блестящей книги по философии и мистическому богословию Православной иконографии. Мы живем в эпоху, когда этой стороне православной русской культуры воздается должное, когда у мира открылись глаза на эту сокровищницу ценностей изобразительного искусства (наряду с северной церковной архитектурой). И здесь кн. Евгению Ник. Трубецкому и вечная память, и вечная слава, и признательность ныне живущих.

В. Ильин.

ХРОНИКА

ЛАГЕРЬ ДРУЖИНЫ Р.С.Х.Д. 1966 ГОДА

Сказать, что Лагерь прошел удачно — недостаточно. Каждый Лагерь, по-своему, интересен и плодотворен. Каждый Лагерь отличается от предыдущего и от следующего своим составом как детей, так и руководителей. В этом году — детей было много; этому способствовало, может быть, то, что Лагерь длился только полтора месяца (с 6 июля по 15 августа) вместо двух, как это бывало раньше. Большое число детей позволило составить хорошие многочисленные отряды — что всегда ин-

*) Его в Антологии, к сожалению, нет.

интересно для руководителя и, с другой стороны, дает возможность более широкой деятельности внутри каждого отряда.

Кроме этих двух основных черт, Лагерь отличался еще интенсивностью общей своей программы: были совершены походы на Бельдони, экскурсия в "Веркор", паломничество в местное посвященное Божией Матерью аббатство — "Салетт". Большое место занимали в жизни Лагеря общие игры, общий съезд со студентами; студенты, под руководством Т. А. Лодыженской, сыграли несколько сцен из "Дворянского гнезда" И. С. Тургенева, в адаптации В. Н. Ильина.

С точки зрения духовной жизни, в Лагере можно было отметить много радостных событий: почти весь Лагерь исповедовался и причащался на каждой литургии; церковный хор, под опытным руководством А. Циолковича, сделал большое усилие для успешного проведения церковных служб. С помощью Н. Лосского, удалось совершить вечерню и литургию на французском языке. В первый раз в истории нашего Лагеря были совершены крестины одной девочки на французском языке. Это событие придало Лагерю особое духовное напряжение. Руководители, со своей стороны, ревностно готовились к проповедям, порученным им на общих молитвах.

И погода, в этом году, не помешала работе Лагеря.

Поэтому, нужно сказать — Лагерь прошел не только удачно, но и интересно, оставляя в памяти много радостного и поучительного.

Миша Соллогуб.

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, Paris-5^e

Защита веры в России	8,75
Булгаков, прот. Сергей — Православие. Очерки учения православной церкви. 1966	21.—
Иоани, архиеп. С.-Францисский — Книга свидетельств	15.—
Позов А. — Основы древне-церковной антропологии	
I — Сын Человеческий	35.—
II — Апокатастасис	17,50
Франк С. — Из истории русской философской мысли	
XIX—XX в. Антология, в переплете	20.—
» — С нами Бог (Три размышления)	25.—
» — Душа человека	25.—
Пастернак — Сочинения в 3-х тт., в пер. по	42,50
Солженицын — Матренин двор	3,50